

Джо Кошур

The Bruise Brothers

Посвящение

Я посвящаю эту книгу всем тем, кто помогал мне достичь мечты любого канадского мальчишки – играть в НХЛ. Тем, кто возил меня на каток в любой время суток, тренерам, вкладывавшим в меня свою мудрость и знания, помощникам, работающим в лигах и на аренах, моим друзьям, моим одноклубникам и всем болельщикам, поддерживавшим меня на протяжении всей моей карьеры. Но самые глубокие благодарности я приношу своей семье: родителям Джо и Рите, жене Кристен, дочери Кендалл и сыну Лайаму. Без вашей любви и понимания, моя мечта никогда бы не сбылась... Большинство смотрят в небо и восхищаются звездами; чемпионы же покоряют горы и забирают звезды себе.

Джо Кошур.

ЛЮДИ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ДЖО КОШУРА

Майк и Мариан Иличи

Лучшие владельцы команды во всём спорте, относившиеся к нам, как к членам семьи. Если вам посчастливилось и ваш ребёнок играет в хоккей, вы понимаете и принимаете все взлёты и падения в каждой игре. Точно также Майк и Мариан воспринимали нашу игру. Мы были их детьми и, хорошо это или плохо, но они всегда были рядом с добрыми подбадривающими словами.

Джимми Девеллано

Справедливый и честный. Со дня нашего драфта он принял нас под своё крыло. Боб и я были частыми гостями в кабинете Джима. Не все встречи были приятными, но все они помогли нам двигаться в правильном направлении. То, что мы не видели тогда, мы видим это сейчас.

Скотти Боумэн

Величайший тренер в истории хоккея. Он всегда держал руку на пульсе не только команды, но и каждого игрока, которого он тренировал. Он всегда знал, какую клавишу нажать или на какой струне сыграть, чтобы добиться от игрока максимальной отдачи.

Дэйв Льюис/Колин Кэмпбелл

Дэйв и Колин провели уйму сверхурочных часов на льду и в видеокомнате, работая со мной и Бобом. Они учили нас всему, что только можно делать в хоккее, всем тем незаметным для зрителя вещам, которые помогали нам стать лучше.

Стив Айзерман

Тихий и расчётливый лидер. Для меня большая честь называть его одноклубником и другом. Он редко говорил, но когда он начинал, все его слушали. Стив мотивировал не просто словами, а своими действиями. Он делал всё, что от него требовалось для победы, потому что победа – это единственное, что было у него на уме.

Марк Мессье

Эмоциональный и влиятельный лидер. Нес свои эмоции на своих рукавах и локтях, если требовалось. Мог играть и контролировать игру и мастерством и жесткостью лучше, чем кто-либо со времен Теда Линдсея и Горди Хоу.

Боб Проберт

Самый грозный боец из тех, с которыми я играл или бился. Играть, зная, что Боб всегда поможет в проблемных ситуациях, было очень здорово. Мы были влюблены в наше дело. Жить было проще, когда знаешь, что тебе есть кому помочь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО В КАНАДСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Меня всё время спрашивают: «Как я стал ледовым бойцом?»

Но, честно сказать, я и понятия не имею. Я никогда не дрался в младших возрастах, но, полагаю, и никто не дрался. Но, в юниорах я, кажется, уже лидировал в лиге по количеству драк и штрафных минут. В первый раз я подрался, когда мне было лет 15, может, 16, в Саскатчеванской молодёжной лиге, играя за команду Йорктон Террьерс.

И я не знаю, когда ты начинаешь понимать, что у тебя неплохо получается драться. Понятное дело, постоянная практика помогает, однако, я точно знал, что у меня есть талант, с самой первой моей драки. И потасовки мне всегда доставляли удовольствие.

Да, может, я и не знаю, что сделало меня бойцом, однако, я точно знаю, что закалило мой характер – жизнь в канадских прериях. Но, не думайте, что я из тех деревенских снобов, считающих, что у городских не жизнь, а малина. Я прекрасно понимаю, что и городским жителям нелегко даётся их кусок хлеба. Но, в Саскатчеване миллион жителей и 990000 из них – фермеры. Они с утра до ночи вкалывают на природе, что делает их очень сильными. Так что, когда они выходят играть, против них приходится нелегко.

Это не камень в огород жителей провинции Онтарио, однако, там нет столько фермерских хозяйств. Там банкиры, юристы и учителя. Они не выходят каждый день в поле, работать руками. А именно такая работа и закаляет тебя, готовит к битвам в жизни. И я это прекрасно понимаю, ведь я один из тех саскатчеванских фермеров.

Я родился 21 декабря 1964 года, единственный сын Джо и Риты Кошур. Отсюда и пошло моё имя Джоуи. Моё настоящее имя Грегори Джозеф. Моего деда также звали Джо, вот люди меня и прозвали Джоуи. Повзрослев, я предпочитал, чтоб меня называли Джо. Джоуи звучало совершенно не круто.

Детство моё прошло на семейной ферме в Кельвингтоне, Саскатчеван, в двух с половиной часах езды от Саскатуна. Каждый день был рабочим днём. Мой старик поднимал нас рано утром. Земли у нас было примерно с квадратную милю. Отец никогда не подвозил меня к границам нашего участка, может, не хотел лишний раз месить грязь. Я обычно проходил вдоль границ участка, собирая и забрасывая камни в лесопосадки, очерчивающие рубежи нашей земли. За этим занятием незаметно проходили дни.

Такой и была стандартная работа детей прерий. Водить трактор нам ещё не позволялось. Да и любой может управлять трактором, зато вот убирать камни, таскать мусор и тому подобная хрень, это не каждому по душе. Для этого и нужны дети в прериях, делать грязную работу, наподобие этой. Сейчас, когда мы живём в пригороде Мичигана, мои дети приходят из школы, делают домашнюю работу, а потом играют во дворе или же в видеоигры. Тогда же, после школы, у нас был так называемый ланч, а потом, вперёд, помогать отцу, где бы он ни был. Если нам везло, у него была работа для нас, если же нет, нам приходилось быть неподалёку и ждать.

Мои две младшие сестры, Лиза и Лана, оставались дома, помогали нашей матери. У матери была уйма работы по дому, не говоря даже о том, что нужно было ухаживать и за садом. Когда вы живете на ферме, девочкам приходится работать точно также как и пацанам.

Кельвингтон – это обычный маленький городишко в Саскатчеване. Подобные ему густо усеивают точками карту провинции: Климакс, Дандёрн, Мелфорт, Ламсден. Согласно переписи 2001 года население Кельвингтона составляло невероятные 1007 человек. Город был назван в честь барона Уильяма Томсона Кельвина, учёного и изобретателя, известного своими работами в области термодинамики и термометрии. Это ему принадлежит концепция абсолютного ноля и шкала Кельвина. «Кельвингтон Компани», производящая рефрижераторы, также названа в его честь и, довольно интересный факт, была основана в Детройте в 1914 году.

Забавно, что парнишка из города, названного в честь Кельвина, также сделал себе имя в городе Моторов, выбивая из соперников дух, оставляя их остывать на льду. Жители Кельвингтона знают всё о холодной погоде. Пусть температура и не достигает абсолютного нуля, однако, местные расскажут вам, что чувствуется, что холод очень близко к этому значению. И Кельвингтон прославил сам себя как хоккейная фабрика Канады. Конечно, есть места, с гораздо большим хоккейным наследием и более талантливыми игроками, оставившими после себя более яркий след в истории хоккея. Но сколько городов с населением в 1000 жителей может похвалиться тем, что четверо его уроженцев играли в НХЛ? Кельвингтон как раз вот такой город.

И мы отметили наших хоккейных звёзд по особому. Поезжайте с юга города на запад по 38-ому хайвею. Как только вы доедете до местного гольф клуба, вы увидите ИХ. Пропустить их никак невозможно. Каждый из нас изваян в виде гигантской хоккейной карточки в два с половиной метра высотой и метр двадцать шириной. Эти скульптуры изваял местный скульптор Эдд Феарнс. Там я, мой двоюродный брат Кори Кошур, выбор Детройта в первом раунде, 17-ый в 1988 году. Кори играл в низших лигах за Адирондак Ред Уингс в АХЛ и Форт Уэйн Кометс в ИХЛ.

Ещё один кельвингтонский гигант – это Барри Мелроуз, защитник Цинциннати Стингерс из ВХА, а затем шесть лет игравший в НХЛ, за Торонто и Виннипег. Мы с Барри и Бобом Пробертом играли вместе и Детройте и в АХЛ за Адирондак. Барри тренировал Медисин Хет Тайгерс и привёл их к победе в Мемориал Кап в 1986-87, а после довёл Лос-Анжелес Кингс до финала кубка Стэнли в 1993 году, где уступил Монреалу в пяти играх. Сейчас он ведущий аналитик НХЛ на ESPN. Представьте себе, парень из Кельвингтона – американская версия Дона Черри.

Самый старый представитель Кельвингтона в хоккее это Ллойд Гронсдэйл. Полагаю, его можно называть патриархом шайбы. Он сыграл десять игр за Бостон в 1941-42. Но самая знаменитая семья хоккеистов из Кельвингтона была, есть, и, скорее всего, и будет, это Кларки. Они были нашими соседями, но помните, в прериях понятие «соседи» вовсе не означает, что они живут рядом. Самый ближайший наш сосед находился почти в двух километрах от нас. Кларки жили от нас примерно в 3,5 километрах птичьего полёта, но, так как мы не летаем, это было почти 5,5 километров пешком.

Мы были друзьями с малых лет. Лес Кларк гонял шайбу в низших лигах, в Филадельфии и Шарлотт из Восточной лиги и за Трой, Мичиган из Интернациональной лиги в 50-х годах. У него и его жены Альмы было три сына, и все трое достигли заметных успехов в хоккее. Старший, Донн, играл в юниорах в Принс Альберте, Саскатчеван. Он был моим свидетелем на свадьбе, а так же моим одноклубником в Саскатун Блейдс, в ЗХЛ. Средний сын, Уэндел, также играл со мной в Саскатун Блейдс. Он – самый знаменитый из клана Кларков.

Я на несколько старше Уэндела. Я водил дружбу с Донном и мы были близкими друзьями. Торонто выбрало Уэндела первым на драфте 1985 года и он после стал капитаном команды, отыграв 15 лет в НХЛ, помимо Торонто ещё за Айлендерс, Квебек, Тампу, Чикаго и став на недолгое время моим одноклубником в Детройте в 1999 году. Уэндел забил 330 шайб в НХЛ, став самым продуктивным бомбардиром из всех кельвингтонцев.

Третий Кларк, Керри, по прозвищу Шарки, был задрафтован Айлендерс в 1986 году. Играл он в низших лигах около десяти лет и, как оба его брата, я, и мой кузен Кори, в юниорах играл в Саскатуне.

Но первым делом нам всем нужно было постигать азы хоккейного мастерства. Кельвингтон был отличным местом для будущих звёзд хоккея. У Леса Кларка был каток в городе, так что зимой, у нас было всё время, которое только мог пожелать ребёнок. Помню, что каток был по соседству со школой. На старом катке снег убирали машинами и сваливали его вокруг. Мы выбегали из школы в обеденный перерыв и протапывали себе тропинку между сугробами. Попав на лёд, мы тут же одевали всё наше снаряжение и начиналась игра.

Я не катался с Уэнделом, потому что он был младше нас, а позже и вовсе перешёл в школу в Уилкоксе, однако мы всегда были вместе с Донни. Барри Мелроуз был намного старше, так что он уже играл в юниорах в Камлупсе. А нам хватало и этого маленького катка.

Летом мы играли в мяч все вместе в одной команде: Уэндел, Донни, Барри, я и Келли Чейз, игравший за Сент-Луис и живший неподалёку, в Поркупин Плейн. Хоккейная команда играла в фастбол. Мы с Уэнделом пару лет отыграли в полупрофессиональной команде Ремпел Бразерс по фастболу.

Мы, бывало, играли против саскатунской команды Олл-О-Матик и Калгари. Олл-О-Матик обычно обыгрывал нас, но они и играли постоянно классом повыше, в чемпионате по софтболу. У них был питчер по имени Джин МакВилли и он доставлял нам больше всех проблем. Он десять лет играл питчером в команде Канады и выиграл золотую медаль Панамериканских игр в 1983 году. Пущенный им мяч можно было попытаться отбить с тем же успехом, что и выпущенную из ружья пулю. Однажды скорость мяча достигла 150 километров в час. Мы не получали за эти игры ничего, однако, многие из наших соперников получали большие деньги.

Если уж я рассказываю вам о семье Кларков, то почему бы не развеять один из давних городских мифов. Хотя, раз уж мы парни с фермы, можно назвать это деревенским мифом. Уэндел Кларк и я не двоюродные братья, повторяю, не двоюродные братья. Эту байку как-то напечатали и с тех пор она превратилась в своего рода хоккейную басню. Мы близкие друзья, это так, словно семья. Но мы не семья. Но с другой стороны, Барри Мелроуз стал моим родственником после моей свадьбы. На самом деле, Кельвингтон такой маленький городишко, что если вы отследите генеалогическое древо достаточно далеко, то, вероятно, вы обнаружите дальнейшее родство между любыми из нас.

Когда я рос в Саскатчеване, тогда ещё не было команд НХЛ в Эдмонтоне и Калгари, поэтому каждую субботу мы смотрели игру Торонто Мэйпл Лифс. Большинство болели за Торонто, но не я. Я болел за Бостон. Я любил Бостон – Эл Секорд, Терри О'Рейлли – я любил этих парней.

В детском хоккее я постоянно играл защитником. Я не играл нападающим до тех пор, пока не заиграл в юниорах за Йорктон из Саскатчеванской Молодёжной Хоккейной Лиги. В Саскутуне я играл форвардом, но однажды в плейофф меня всё-таки поставили в защиту, когда в команде было много травмированных. В то время, когда я по возрасту должен был играть в лиге 14-15-летних, я играл ещё и с более старшими парнями. Мне было 14-15 лет и я уже бился с большими рослыми парнями, игравшими в хоккей уже вечность.

В то время взрослый хоккей - это было нечто. Кельвингтон играл в лиге, известной как Хоккейная Лига Фишинг Лейк. Команда звалась Кельвингтон Уит Кингс и мы играли против Уодена Уайлдкэтс, Фом Лейк Флайерс, Кенора Кобрас и Квилл Лейк Монархс. Некоторым из игроков было уже лет по 45, ростом под 190 и весом под 115 кг. А мне было всего 14 и весом хорошо если килограмм 70.

Не помню уже, сколько я получал времени в игре, но помню, что забил два гола в Уотсоне против Рокетс. Я, возможно, и не осознавал, где я играл и против кого. Я был просто рад играть сразу в двух командах, получая в два раза больше времени на льду.

Преыдушим летом я попал в свой первый молодёжный тренинг-кемп с Йорктон Террьерс. Я знал, что меня отчислят, но я знал, что я сыграю минимум в одной выставочной игре, против Мелвилла. Мелвилл и Йорктон... вот это было соперничество. Своеобразная версия Чикаго и Детройта в лиге SJHL. Мы дрались чуть ли не в каждой смене на льду, когда играли против них. Лерой Горски, их тафгай, сграбастал меня и хорошенько напощадал мне. А зимой я играл уже сразу в двух лигах: 14-15-летних и взрослой.

На следующий год я пробился в состав Йорктона. В мой первый из двух сезонов там, моим одноклубником был Дэйв Браун. Потом, за все мои годы в НХЛ, единственный тафгай-легенда, с которым я никогда не бился, был именно он. Даже когда он играл в Филадельфии, терроризируя всю лигу. Всё потому, что он считал меня своим младшим братом. Он защищал меня, когда

я только начал драться в Йорктоне. В НХЛ он никогда не вызывал меня на бой, даже не смотрел на меня с угрозой.

Расскажу ещё одну историю времён Йорктона, которая запомнилась потому, что она стала поворотной точкой в моей карьере. Тренером у нас был Джерри Джеймс, легенда из легенд. Он достиг вершин в профессиональном спорте сразу в двух разных областях, отыграв 104 игры правым крайним за Торонто Мэйпл Лифс в 1954-60 годах и 12 сезонов играл раннинбеком в Канадской Лиге Американского Футбола за Виннипег Блю Бомберс и Саскатчеван Рафрайдерс.

Джеймс был просто отличным футболистом. Дважды его выбирали в команду Всех Звёзд, в 1955 и 1957 годах, дважды он первенствовал в споре бомбардиров и в двух сезонах он набирал более 1000 ярдов пробежки. В 1954 и 1957 годах его признавали самым выдающимся канадцем в лиге, в 1981 году его выбрали в Канадский Зал Славы американского футбола. И он четыре раза завоёвывал со своими командами Грей Кап.

В хоккее он побеждал в Мемориал Кап с Торонто Марлборос в 1954-55. Он был больше энфорсером, ни разу не забив более 4 голов за сезон в НХЛ и набрав 257 минут штрафа (90 из которых пришлось на сезон 1956-57) за свои 104 игры, Также он играл за Лифс против Канадиенс в финале кубка Стэнли в 1960 году, всего несколько месяцев спустя, как он забил гол с поля и совершив два тачдауна в финальной игре Грей Кап, в которой его Виннипег победил Гамильтон Тайгер-Кэтс 21:7.

Хотя Кленовые Листья были повержены в финале с сухим счётом, Джеймс остаётся единственным спортсменом в истории, игравшим в финале Грей Кап и Кубка Стэнли в одои и том же сезоне. Он также стал одним из первых канадских тренеров, тренировавших команду из Европы, швейцарский Давос в 1962-64. И, по возвращении домой, он привел Йорктон к четырём подряд победам в чемпионате провинции Саскатчеван, в 1966-69.

Джеймс всегда играл на грани жесткости, одним своим присутствием заставляя соперников уходить в защиту. Он был словно Э. Ф. Хаттон с убийным хуком левой. Когда он говорил, ты слушал, в противном случае, ты рисковал оказаться в лежащем положении, разглядывая потолок. Мы отыграли в сезоне уже 20 игр и он решил поговорить со мной. Эта беседа изменила направление моей хоккейной карьеры.

Я был новичком и понятия не имел на какую роль я гоюсь в команде. Знал только, что никак не мог записать на свой счёт первое результативное очко. Помню, он отвёл меня в сторону и сказал: «Если ты хочешь хоть чего-то добиться в этой игре, тогда ты должен хоть что-то делать лучше чем остальные. Найди свою нишу в игре, неважно, будешь ли ты забивать голы или раздавать пасы, ты должен быть лучшим в выбранном амплуа». После этого он заговорил со мной о силовой стороне игры. Не знаю, он ли убедил меня в том, что мне надо стать тафгаем, но уже в следующей игре я начал играть жестче и ввязался в драку. И это мне очень понравилось. Это неплохо мне удавалось. Тогда-то я и стал задумываться над тем, чтобы пробиться на уровень выше, а не закончить свою карьеру уже в юниорах.

Одна из моих драк была с парнем, которого болельщики Ред Уингс ненавидели, однако, полюбили, когда он перешёл в Детройт. Я уже не могу утверждать с уверенностью, но Крис Челиос говорит, что он взгрел меня, когда он играл за Мус Джё. Хотел бы я увидеть видео той потасовки, чтобы точно знать, что Крис не пудрит мне мозги. Вот это я и имею в виду, когда говорю, что запад закаляет характер. Вот Челиос, американский паренёк из Чикаго, начал играть за Мус Джё и быстро понял, каково это быть настоящим хоккеистом. Посмотрите на него сейчас. Всем игрокам игрок, более двадцати лет в лиге, а может дать фору многим молодым хоккеистам.

Как же игра на Западе закалила его характер для игры в НХЛ, спросите вы? Подумайте о автобусных переездах в разгар суровой зимы из Мус Джё в Принс Альберт. Ехать часов шесть. Потом добавьте утомительные переезды в такие места как Йорктон, Вейберн, Норт Баттлфорд, Гумбольдт. Американскому парню играть там особенно интересно, ведь на него охотятся все, как только он ступит на лёд. У Челиоса было два пути: заматереть или кануть в небытие. Вот

так это и работает на Западе. Напряжённость соперничества добавила еще пару уровней сложности, когда я сделал шаг навверх в ЗХЛ, в Саскатун Блейдс, осенью 1982.

Вспоминаю нашу поездку в Саскатун из Портленда, Орегон. Мы сыграли нашу последнюю игру из серии шесть игр за десять дней на выезде по Западному побережью, а затем на автобусе отправились домой – 23 часа в дороге. Такое весьма закаляет морально. И ты подготавливаешься к переходу на высший уровень. Думаю, кто-то когда-то объявил ЗХЛ самой боевой лигой, так что, играя в ней, ты должен соответствовать её репутации. Если ты отправляешься в лигу Квебека, ты должен быть очень талантлив. Если играешь лиге Онтарио, то, скорее всего, тебе нужно стать разносторонним игроком.

Когда я играл в Саскатуне, посмотрите на статистику тех лет, игроков пять в команде было с более чем двумястами штрафными минутами в сезоне. Ну вот например, Блейдс 1982-83. Я – первый – 369 минут из которых 39 пятиминуток, три мискондакта и пять удалений до конца игры. Капитаном команды был защитник Лерой Горски, мой старый соперник из Мелвилля времён лиг SJHL. Он набрал 259 минут – 25 драк. Левый крайний Дэйл Хенри, игравший потом в Нью-Йорк Айлендерс отметился 363 минутами штрафа из которых 27 пятиминуток за драки, пять десятиминутных удалений и 10 раз его изгоняли до конца игры. Защитник Иэн Спенсер начислил 262 минуты – 23 драки. Ещё один будущий игрок Айлендерс, защитник Горд Пэддок, отсидел на скамье 218 минут с 14 драками.

Правый нападающий Лейн Ламбертт, мой будущий одноклубник в Детройте, заработал 166 минут штрафа, скинув краги 16 раз. Будущий игрок Сент-Луиса, правый крайний Перри Генчар, дрался 13 раз и отсидел 165 минут на лавке штрафников. Тодд Струби, в НХЛ игравший с Марком Мессье и Уэйном Гретцки в Эдмонтоне, подрался всего десять раз, однако заработал 189 штрафных минут. Кроме этого был ещё Дэйв Чартье, у которого на 154 минут штрафа было 12 бойцовых пятиминуток. Брат Лейна, Росс Ламберт, сходил на врукопашную семь раз и набрал 157 минут. Защитник Гэри Стюарт отметился 10 драками и 152 штрафными минутами. Даже вратарь Эл Лярошелль подрался один раз и заработал удаление до конца игры.

Подведём итог. Два игрока с более чем 300 минутами, ещё четыре превысили рубеж в 200 минут и ещё дюжина наиграли на трехзначные показатели штрафных минут. По-моему, это довольно убедительно говорит о боевитости команды. Настоящий хоккей старой школы. Так сказать, наследники Чарльстоун Чифс. Всего в том сезоне Блейдс дралась 245 раз, у десяти игроков драк было по 10 и более. А сейчас, если у вас 17 драк, то, скорее всего, вы будете первым в лиге.

Наши игры с Реджиной Пэтс всегда превращались в фестивали кулачных боев. За них играл некто Джефф Кроуфорд, 192-сантиметровый, стокилограммовый громила. В сезоне 1981-82 он заработал 404 минуты штрафа. Не верите, посмотрите сами в Интернете. В Пэтс в сезоне 1982-83 играли будущие тафгаи НХЛ: Линдон Байерс, Эл Тайер и Стю Гримсон.

Должен отметить, что я, в перерывах между драками, нашёл время забросить 23 шайбы в моём дебютном сезоне в ЗХЛ. В следующем году я отличился 40 раз и отдал 41 результативную передачу, подрался 22 раза и отсидев 258 минут в пенальти боксе. Вы должны соответствовать репутации, играя на Западе, и я старался, как мог. За два сезона в Йорктоне и два в Саскатуне я набрал 1053 штрафных минуты за всего 226 игр. Три сезона я забрасывал по 20 с лишним шайб и однажды выдал сезон с 40 голами.

Старая саскатунская арена, построенная в 1937 году, бывшая домашней для Блейдс до 1988 года, отлично подходила под мой стиль игры. Она была маленькой по размерам, идеальной для игроков силового плана. Стадион был очень похож по дизайну на Бостон Гарден или Уинзор Арена. Болельщики всегда любили нашу боевую команду. Когда болельщики поддерживают ваш стиль игры, постоянно ожидают боевых действий на льду, становится очень просто играть перед ними. Так было в Ред Уингс, так было и в Йорктоне. Они не смотрели искоса на драки, они наслаждались ими. Если ты играл на грани, если ты был из «синих воротничков», с фермерских краёв, для тебя всегда находилось место в сердце болельщиков.

В те дни всегда можно было добиться преимущества, запугав соперника. Думаю, это приносило нам несколько дополнительных голов. Запугивали не тафгаев соперника, не Стива Айзермана и Уэйна Гретцки – они не поддавались. Но это работало с некоторыми другими игроками, у которых был талант, но чуть-чуть не хватало смелости. И тогда вы получали лишние сантиметры в углах площадки, немного свободного пространства на пятаке и возможность забить ещё одну шайбу.

Это очень похоже на техасский холдем (разновидность покера). Если соперник не знает, что ты собираешься делать, то это заставляет его нервничать. Тоже самое и в хоккее. Ты должен быть всегда неожиданным для оппонента.

Уэйн Кэшман, провокатор из Брюинс, рассказал мне однажды о своей теории игры в хоккее. Он никогда не был настолько крутым, как считали его оппоненты. Он был просто двинутым. Пока соперник не знал, что тот собирается предпринять, у него было преимущество. Если было непонятно, то ли Кэшман просто вяжется в борьбу в углу, то ли предварительно врежет клюшкой в голову, то соперник просто несколько медленнее спешил в разгар борьбы.

Я, кстати, всегда думал, что в подобном стиле играл и Бен Уилсон. Если вы встречались с ним на льду лицом к лицу и оказывались в пределах досягаемости его клюшки, то желание обыграть его у вас пропадало. Пока вы оставались вне пределов тычка клюшки, вы были в безопасности. Это простой принцип остерегаться того, что вас окружает или, точнее, кто вас окружает. Как и в жизни, так и в хоккее, неизвестность пугает.

Я люблю прерию и они очень много значат для меня. Я никогда не забуду моих корней. Оттуда родом мои друзья и там, по большей части, остаётся моя семья. Если бы не она, я бы никогда не стал тем, кто я сейчас.

Я всё ещё приезжаю в Кельвингтон каждое лето. Обе мои сестры сейчас живут в Виннипеге, но родители остались на ферме. Мы с женой часто говорим о том, что как-нибудь, мы, может, вернёмся туда с нашим сыном Лайамом и дочерью Кендалл, купим клочок земли и построим свою ферму. Думаю, это просто замечательная идея. Как говорят старики, ты можешь увезти парня из деревни, но ты никогда не увезёшь деревню из парня. Полагаю, что так оно и есть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Наша жизнь полна сюрпризов и мне выпал один такой большой подарок летом 1983 года.

У меня только-только закончился первый сезон в юниорах, в Саскатун Блейдс. Год сложился удачно, мы заняли первое место в ЗХЛ, установили новый рекорд клуба по победам, завершив сезон с результатом 52 победы, 19 поражений, 1 ничья. Ну и ваш покорный слуга задал новую планку для будущих игроков клуба, набрав впечатляющие 377 минут штрафа.

Но, несмотря на наш успех в регулярном сезоне, в плейофф мы вылетели в первом же раунде, проиграв Летбридж Бронкос. Бронкос вели к вершинам близнецы Саттеры, Рич и Рон, звёздная защита с тремя будущими НХЛовцами: Марком Тинорди, Джеральдом Дидаком и моим будущим одноклубником в Детройте Бобом Роузом, а на воротах блистал ещё один будущий Ред Уинг Кен Реггет. Летбридж в итоге завоевал титул лиги и играл в Мемориал Кап, а для меня настало время поискать работу на лето.

Нашёл я себе работу на складе пиломатериалов в Саскатуне. 8 июня 1983 года я вернулся с доставки заказа, как кто-то позвал меня в офис: «Тебе звонили». «Да, а кто?». Я перезвонил по оставленному номеру и так вот я обнаружил, что меня задрафтовал Детройт.

Это было полной неожиданностью для меня. Я даже не предполагал, что кто-то польстится на меня. Да, конечно, в течение сезона я слышал об этом постоянно. Некоторые скауты говорили мне: «Тебя возьмут в 5-6 раунде». Но это не имело для меня значения, выберут меня или нет. В ту пору я не рассчитывал на карьеру в профессиональном хоккее.

Детройт становился мощнее. В первом раунде они выбрали Стива Айзермана, а потом начали забирать игроков силового плана, Лейн Ламберт, Боб Проберт, я, Стю Гримсон и Крейг Батц. Похоже, генеральный менеджер Детройта Джимми Девеллано искал в тот день оружие массового поражения. И, можно сказать, он его нашёл. Кроме меня, Батц набрал 307 минут штрафа в Келоуна Уингс из ЗХЛ, Проби просидел на лавке 133 минуты, играя за Brentford Александрс из ОХЛ, Гримсон также в ЗХЛ заработал 105 минут штрафа в Реджайне Пэтс и Ламберт, будучи моим одноклубником, записал на счёт 166 штрафных минут.

Судя по драфту того года, Джимми Ди решил превратить свою команду в команду-крепкий орешек. Они были тогда просто командой, а он хотел придать команде свое неповторимое лицо. Он встряхнул команду. В те годы, после покупки Детройта Майком Иличем, если Стиви Ай не забивал суперголы, то и смотреть было больше особо не на что. И после перестройки команда не начала сразу выигрывать, однако, теперь у болельщиков появились новые причины ходить на игры.

Лично я никогда не рассчитывал быть одной из таких причин. Мне кажется, я никогда особо и не верил всерьёз, что смогу пробиться в команду. Даже после того, как меня выбрали на драфте, НХЛ казалась мне слишком далёкой. Но я помню свой первый тренинг-кемп с Детройтом. Дэнни Гэр был капитаном. Ларри Трейдер был в команде. Тайгер Уильямс был в кемпе. Моим первым напарником был Джон Венсинк.

Не знаю, говорил мне кто-то об этом перед кемпом, но я знал, что тогда я немного переступил черту в силовой игре. Я врезался в Гэра сзади и вырубил его. Трейдеру пришлось накладывать кучу швов после встречи со мной. Как будто кто-то всё-таки сказал мне: «Давай, сделай так, чтобы тебя заметили». И единственный способ тафгая быть замеченным – это играть жестко.

Это работало. Думаю, меня заметили не только те, кто следил а мной с трибун, но и мои одноклубники. Однажды Тайгер Уильямс, тогдашний тафгай команды, налетел на меня. Он и вратать Грег Стефан на пару пытались отлупить меня за воротами, потому что они были ветеранами и не желали получать лишних тумачков и попадать под силовые приёмы выскочек-новичков.

Но опять же – это тренинг-кемп. Игры красных и белых проходили весьма грубо, но я гарантирую, они почувствовали себя намного лучше, когда в выставочной игре я играл на их стороне.

После кемпа я вернулся в юниорскую команду, последний год с Блейдс. Мы боролись за последнее место в плейофф, набрав с Калгари Ренглерс одинаковое количество очков. Я был одним из четырёх игроков команды, забросивших по 40 и более шайб, но мы уступили в овертайме 7:8 Калгари в решающей игре за последнее место в плейофф. После нашего пролёта, меня вызвали в Адирондак, фарм Детройта в АХЛ. Раньше я никогда и не слышал о таком месте, как Адирондак или Глен Фоллс.

Я долетел до Албани, а оттуда меня подбросили до Гленн Фоллс. Мы играли с Мэйном, если мне не изменяет память, вторая игра плейофф, когда я приехал в город. После игры мы на автобусе отправились в Портленд, но была одна маленькая проблема. Мои коньки и амуниция так и не доехали из Саскатуна. Я парень из прерий и так и не догадался взять коньки с собой.

Следующим вечером мы играли в Портленде и я с миру по нитке набрал себе форму. У кого-то коньки, у кого-то свитер, кто-то одолжил мне щитки. Тренером был Билл Динин и выставил меня в стартовой пятерке вместе с Андре Сент-Лореном и Брайаном Джонсоном – все парни не чурающиеся скинуть краги. После вбрасывания шайба оказалась в нашей зоне, мы выбросили её оттуда и я с их защитником, Мюрреем Брамвеллом, погнались за ней. Я был позади него метрах в двух.

Не вспомнить уже, то ли я был чересчур возбужден своим дебютом и особо не обратил внимания, либо мне было всё равно, но точно помню, что он коснулся шайбы, зафиксировав проброс, а я даже и не думал притормозить. Я размазал его по борту со всей силы. В итоге – удаление за толчок на борт в самом начале игры. Такой была моя первая смена в профессионалах. Уверен, что Билл Динин не говорил мне ничего, но я знал, почему я вышел на первое вбрасывание. Тренер никогда не говорит об этом, но повод, по которому определённый игрок выходит на первое вбрасывание, всегда ясен. Я был там не для того, чтобы забить гол.

Думаю, что меня выставили, чтобы посмотреть, на что я гожусь, может, чтобы я затеял что-то. Но, какими бы не были их резоны, думаю, им понравилось то, что они увидели, потому что я выходил на смену регулярно, играя минут по 6-9. Мы проиграли ту серию в семи играх.

Кенни Холланд, нынешний ГМ в Детройте, стоял у нас на воротах. В команде было несколько ветеранов, прошедших все возможные хоккейные войны, игроки типа Денниса Полонича и Грега Джоли. Такие игроки всегда нужны, чтобы учить молодёжь. Главное, чтоб ветераны были правильные, а не те, которые не хотят играть в АХЛ. Которые считают, что их место в НХЛ, а в лиге ниже они расслабляются.

В следующем году меня отправили в Адирондак сразу с кемпа. Как-то в декабре мы колесили на выездах по восточно-канадским провинциям Маритайм. Тогда я подрался с Джимми Плэйфейром, который позже тренировал Калгари Флеймс в серии плейофф 2007 года против Детройта.

Субботним вечером мы играли против фарма Эдмонта, кажется, Галифакс. В драке я попал Плэйфейру кулаком точно в зубы. Я вырубил его, так что он лежал на кровати у доктора рядом со мной, по соседству.

Я считал, что врачи оставляют открытыми рваные раны от зубов, чтобы те подсохли и для предупреждения заражения. Но, вместо этого, они зашили мою руку сразу, наложили 20 швов. Я вернулся в раздевалку и увидел в ней Джерри Галланта, которого толи выгнали из игры, толи он вообще не играл в тот день.

Позже тем вечером, наш тренер Билл Динин позвонил мне и сказал, что меня и вратаря Эдди Мио, вызывают в Детройт. Сейчас я уверен, что многие бы отдали свою правую руку за возможность играть в НХЛ, и знаете что? Я практически так и сделал. В воскресенье утром мы вылетели из Маритаймс в Торонто. Когда мы там оказались, как раз через терминал проходили игроки Эдмонтон Ойлерс. Эдди играл в Эдмонтоне и знал некоторых из них, так что он

остановился поболтать с ними. Он рассказал им о моей драке. Это был первый раз, когда я видел кого-либо из Ойлерс лично. Марк Мессье, Уэйн Гретцки, Дэйв Семенко – все из них, стояли, разговаривали обо мне.

Мы вылетели в Уинзор из Торонто. Эдди, уроженец тех мест, взял меня с собой в дом своей семьи на ужин, а оттуда я отправился в отель Пончарттрейн в центре Детройта. Ещё в машине я стал замечать, что рука начала опухать, но я не придавал этому большого значения. Утром я был на предыгровой тренировке, впереди была игра с Вашингтоном.

Я подошёл к Джиму Пенгелли, нашему тренеру, и показал ему: «Рука горит». Понятия не имел, что там было не так с рукой, но мне было всё равно. Я собирался дебютировать в НХЛ. Вот только крага уже не налезала на распухшую руку. На тренировке я катался только с одной одетой, левой, перчаткой, а правую держал в руке.

Ник Полано, ещё один тренер, сказал мне: «Знаешь что, мы должны стать более жесткой командой, однако, ты, похоже, не сможешь драться. Скорее всего, будешь сидеть на лавке, в качестве демонстрации силы». После тренировки я сам отправился к доктору. Наш доктор Джон Финли отправил меня напрямик к доктору Ричарду Сингеру в больницу Харпер-Грейс.

Я даже не успел осознать это, как оказался в палате экстренной хирургии. Ударив Плэйфайра точно в зубы, я рассёк костяшки на пальцах и в рану попала инфекция. Первый надрез хирург сделал в районе ударных косточек кулака и ему пришлось вскрывать кожу ещё дальше, вдоль по руке, сантиметров на десять. Внутри уже всё загноилось, и докторам пришлось тщательно всё вычищать. По их словам, ещё бы часов шесть и пришлось бы руку ампутировать. После этого я провел две недели с морфиновой капельницей. Рану требовалось держать открытой.

Так вот вышло, что я ещё не успел сыграть в НХЛ, зато уже угодил в больницу. Никогда не забуду, как меня начали навещать одноклубники. Дэнни Гэр, капитан команды, пришёл подбодрить меня, как и защитник Рид Ларсон. Они даже не знали меня, но они беспокоились о моём самочувствии, потому что они считали меня частью команды, пусть я и не сыграл ещё ни одной игры. Когда такое ещё может случиться? Вот поэтому-то хоккеисты – самые лучшие парни. Естественно, после моей выписки меня отправили в АХЛ, набрать игровую форму. В НХЛ меня вызвали чуть позже и дебют мой состоялся 20 февраля 1985 года на Джо Луис Арена. Мы победили Сент-Луис Блюз 3:2. Через три дня мы уступили 2:4 Торонто Мейпл Лифс и тогда же я впервые подрался в Большой Лиге. Соперником был Джефф Брубакер.

Меня вызвали в Детройт, когда Тайгера Уильямса выставили на драфт отказов и его забрал Лос Анжелес Кингс. Я, правда, не знал этого, тогда не было такого освещения хоккейных событий в прессе, как сейчас. Никакого интернета. А теперь все травмы попадают в новости и игроки в АХЛ сидят как на иголках, кого же поднимут в этот раз.

Мне дали №26 и он и стал моим игровым номером. Я не спрашивал его специально, он просто висел на моём шкафчике в раздевалке. Я никогда особо не парился по поводу номера на моём свитере, меня больше интересовало висит ли в раздевалке свитер для меня. В Саскатуне у меня был №18, в Йорктоне №11. Уже и не упомяну свой номер в Адирондайке. Может, 18-ый, но даже если и так, то наш капитан Дэнни Гэр, носивший №18 в Детройте, явно не отдал бы его мне.

Пять из моих первых шести удалений в НХЛ были пятиминутки за драку. По мне, это совсем неплохо. Это значило, что со мной площадку покидал и кто-то из соперников. Больше всего тренер ненавидит, когда его тафгай удаляется, не прихватив с собой никого из соперников. Ты и так играешь не слишком много времени, так что ты не можешь ослаблять свою команду ещё на две минуты.

Мы всегда заботились о том, чтобы не схватить глупое удаление. Некоторые двухминутные штрафы – это нормально, так как они чем-то значимы для игры или для соперника, на котором ты сфолил. Но ты не можешь позволить себе хватать глупые удаления и оставлять свою команду в меньшинстве.

Одной из самых запомнившихся драк в начале карьеры стала потасовка с Дэйвом Рихтером, пусть это и болезненное воспоминание. Мы играли в Филадельфии, это была моя третья или четвёртая игра. Кто-то сказал мне, не помню до или после игры, что мне надо вернуться в Адирондак за всеми своими вещами. До конца года я оставался в Детройте.

Я хорошо помню Дэйва Рихтера. Полагаю, он слышал обо мне до нашей встречи, так что он не дал мне шанса подготовиться к схватке. Он сбросил перчатки, а я болтал руками, но никак не мог скинуть свои краги. Я ухватил его за правую руку, не зная, что он левша. Он врезал мне, наверное, раз пять прямо в лицо, пока я сумел всё же вернуть всё под контроль и остановить драку.

На следующее утро за вещами в Адирондак я отправился с двумя бланшами под глазами. Парни подкалывали меня по этому поводу. Джон Букибум, с братом которого, Джеффом, мы выиграли кубок Стэнли в 1994 с Нью-Йорк Рейнджерс, взглянул на меня и спросил: «Ты уверен, что хочешь вернуться в команду ради такого?»

Тогда я недооценил Рихтера. Но самым большим сюрпризом для меня стала драка с моим будущим одноклубником Уве Круппом. Он толком не бил, а молотил беспорядочно кулаками. После одного из его случайных ударов мне в ухо, я ничего не слышал с той стороны пару часов. Он был габаритным, чуть ли не два метра, но он не был драчуном. Крупп был из тех парней, которые не знают как драться и не из тех от кого можно ожидать, что он сбросит краги. Такие обычно бьют в надежде на точное попадание и иногда их надежды сбываются. Бойцы, дерущиеся регулярно, бьются обычно одинаково: они хватаются за тебя.

Я отыграл до конца сезона и в плейофф против Чикаго: мы проиграли три игры подряд в серии до трёх побед. Свой первый гол в НХЛ я забил 9 марта 1985, в игре с Нью-Джерси Девилс, вратарю Гленну (Чико) Решу. О, да, это, конечно, был чрезвычайно важный гол, пятый в проигранном 5:8 матче, за пару минут до конца. Я прошёл по правому флангу, притормозил в круге вбрасывания и бросил в ближний угол.

Как бы там ни было, у меня до сих пор лежит дома подробная статистика того матча. Я проверил, был ли на льду у Джерси защитник Дэйв Льюис, с которым мы играли вместе, а потом он тренировал нас в Детройте. Я надеялся, что он схлопотал минус, но не было его на льду, когда я забивал. И, кстати, знаете, кто ассистировал мне? Брэд Парк и Джерард Галлант. член Зала Хоккейной Славы Парк помог мне забить мой самый первый гол в НХЛ.

Еще один член Зала Хоккейной Славы, Дэррил Ситтлер и Клод Луизел стали соавторами моей первой шайбы в плейофф. Это случилось 11 апреля 1985 года на Чикаго Стадиум, во второй моей игре в плейофф. И этот гол я чётко помню. Прорыв по правому флангу и щелчок в нижний угол ворот Мюррея Баннермана. Ещё один решающий гол: последняя шайба в проигранном 1:6 матче.

Но, в конце сезона ведь не спрашивают, как или почему, спрашивают: «Сколько?». И поскольку это был мой единственный бросок по воротам в том плейофф, я закончил пост-сезон со стопроцентным показателем бросок-гол. Такой результат можно только повторить, но не превзойти.

Летом Джимми Ди подписал всех свободных агентов из колледжей США: Рэй Стазьяк, Адам Оутс, Тим Фрайди, Крис Чикоски, Тед Спирс и я снова оказался лишним. С началом тренинг-кемпа я отправился в Адирондак.

Для Детройта сезон начался провально. После относительно не позорного поражения 5:6 Миннесоте на старте сезона, дальше всё пошло под откос. 2:9 от Бостона, 1:6 от Баффало, 2:4 от Виннипега и полное уничтожение от Миннесоты 1:10. Два домашних поражения 2:6 – Чикаго и 0:5 – Ванкуверу. Путешествие на запад Канады: 4:7 – проигрыш Калгари, 3:5 – Виннипегу и в таблице 0 в графе побед и 9 поражений.

Но эта серия проигрышей стала моей путевкой в Большое Шоу. Меня вызвали в Детройт и больше меня уже не отправляли в миноры. Не хочу сказать, что я стал именно той волшебной палочкой, оживившей игру команды, однако, мы побили Питтсбург 6:3 и разошлись миром 5:5

в жесткой игре с Сент-Луисом. Я там оторвался на все деньги. 2 ноября 1985 года на Сент-Луис Арена я заработал 42 штрафные минуты, что стало моим личным рекордом по штрафам в одной игре. И это до сих пор и рекорд Детройт Ред Уингс.

Попробую разложить эту цифру по полочкам. Я побился с Риком Натрессом и, похоже, получил пару дополнительных минут. Потом драка с Брайаном Саттером и к концу второго периода счёт был 1:5 не в нашу пользу. Прозвучала сирена и я ткнул Дага Гилмора клюшкой, после чего сразился с пришедшим отомстить за него Робом Рамаджем. Три пятиминутки за драку награждаются автоматическим удалением до конца игры, плюс еще за четвертые пять минут (за тычок клюшкой) мне вlepили ещё одно удаление до конца игры. Итого: четыре по 5 минут, два по 10, одно двухминутное и, естественно, игра для меня была закончена.

Но, если вы ещё не поняли, команда вышла на третий период с самым что ни на есть боевом настроем. Отыграли четыре шайбы и заработали очко. Джимми Ди после игры похвалил меня, мол, отличная работа, взбодрил команду что надо.

Сезон тогда у Детройта выдался ужаснейшим. Последнее место в лиге с жалкими 17 победами против 57 поражений и 6 ничьих. Гарри Нил был уволен с поста главного тренера после первых 35 игр. На смену ему пришёл Брэд Парк.

Но для меня это был весьма напряженная кампания. Я начислил 377 штрафных минут, заняв первое место по этому показателю. До этого игрок Детройта становился первым в НХЛ по штрафам в далёком 1962-63 – Хоуи Янг. Я подрался 36 раз в сезоне 1985-86, но, в те молодые, безбашенные годы, меня это особо не беспокоило. Ты просто счастлив от того, что ты играешь в НХЛ. Пожалуй даже, первые несколько лет в НХЛ ты проводишь в такой эйфории от своего присутствия в большом шоу, что едва осознаешь, что ты творишь. Затеваешь кулачные бои с теми, о которых вообще не имел никакого понятия, потому что они не дрались слишком уж часто.

Одним из самых сложных соперников стал Керт Фрейзер. Он как раз нечасто сбрасывал краги, но о нём ходило столько всяких историй, что они засели у меня в голове. С теми, с кем дерёшься постоянно, как-то попроще, они очень предсказуемы. Не скажу, что драться с ними легко, но страха, что они могут выкинуть какой-то трюк, всё же поменьше.

Или, может, это страх другого рода, потому что-то какие-то опасения есть всегда. И не просто страх получить травму. Заработав с годами репутацию, ты уже перестаёшь бояться проиграть в драке или получить травму. Ты начинаешь страшиться получить трёпку от того, кто, по всем раскладам, никак не должен победить тебя. Этот страх гнездится где-то внутри. Ты не хочешь, что это видели одноклубники, не хочешь чтобы твой позор видели болельщики. Тебя окружает некая мистическая аура, и ты хочешь сохранить её. И это сложно в любом виде спорта. Чем дольше ты играешь, тем старше становишься и тем больше шансов, что ты в итоге лажанёшься.

Тогда-то мы не знали, что наши страдания в сезоне 1985-86 вскоре станут далёким размытым прошлым, и всё благодаря афёре Джимми Ди. Он объявил 13 июня, что подписал главным тренером Жака Демера из Сент-Луиса. Меня порой спрашивают: «Почему сезоны 1985-86 и 1986-87 были настолько разными?». Ответ прост. Жак Демер.

Жак мог легко убедить тебя делать то, что он хотел. Он мог замечательно мотивировать команду. Игроки-то были практически те же самые, но пришёл Жак и заставил нас поверить в себя и играть с радостью. Ждать с нетерпением своей смены, нового периода. Он заразил нас игрой.

С его приходом команда преобразилась. С 40 очков мы вскарабкались до 78 в следующем сезоне. Тогда мы ещё уступили Сент-Луису в последней игре сезона, уступив им же и первое место в дивизионе Норрис. А Жак ничуть не расстроился. Он ободряюще хлопал по плечу каждого из нас. Опечалить его было крайне сложно. Если кому-то это удавалось, значит, на том был очень и очень серьёзный косяк. Его философия была проста: «Если я выстрою в них

уверенность в себе, заставлю играть в своё удовольствие – они и играть будут хорошо. А если вдруг ошибутся, что ж, я пофиксю это в следующей игре».

Со временем он стал более строгим, но я думаю, это лишь потому, что ему приходилось постоянно искать новые пути мотивировать команду. Ты не протянешь главным тренером четыре года на одних и тех же словах. Игроки, игравшие в Год Первый, не поведутся на то же самое в Год Четвёртый. Они слышали все эти речи и раньше.

Может быть, именно поэтому, чересчур эмоциональные тренеры преуспевают с командой лишь год или два. Они застывают в своих эмоциях. Не хочу сказать, что у них чересчур ограниченный набор тренерских наработок, но от игроков, играющих уже давно в команде, постоянно повторяющиеся слова, просто отскакивают в никуда.

В первых двух сезонах с Жаком мы проигрывали Эдмонтону в финале Западной конференции. Жак был главной причиной того, что мы пробились так далеко. Стиви Айзерман также был ещё одной большой причиной нашего успеха, но в 1987-88 он получил травму и не возвращался в строй вплоть до плейофф. В тот первый год с Жаком в финале дивизиона Норрис мы уступали в серии Торонто 1:3 и он пригласил меня в офис перед пятой игрой. Он сказал: «Уэндел Кларк убивает нас». Не думал никогда, что он скажет, что я буду играть против него, но услышал: «Ты достаточно силён, чтобы стреножить его».

В это время года, в такой игре, ты мог цепануть любого, придержать чуток, в общем, делать, всё что угодно. Он сказал мне: «Я хочу, чтобы стал тенью Уэндела на льду. Куда он, туда и ты. Он на лавку, ты тоже. Он в душ, ты за ним. Не упускай его из виду».

Самое время вспомнить популярный миф о моих отношениях с Уэнделом. Люди до сих пор говорят, что у нас с ним был заключён «пакт о ненападении». Поэтому Жак и приставил меня к нему, потому что знал, что Уэндел не станет драться со мной. Но не станет не потому, что мы с ним сговорились. На самом деле, я хотел подраться с Уэнделом. Если бы он скинул краги, я бы выиграл, независимо от исхода поединка. Не потому что я более искусный боец, а потому что тогда его команда на пять минут осталась бы без своего лучшего игрока. Разменять себя за него, это было бы большим подспорьем для нашей команды.

В тоже самое время мы сменили вратаря. Глена Хэнлона вместо Грегга Стефана. Всё было совершенно другим, поменялась и установка команды. Все знали – Уэндел на лёд, тут же и я перепрыгиваю через борт. Думаю, это заставило всех немного подсобраться и сфокусироваться на игре. Глен Хэнлон был просто бесподобен. Он ловил всё что можно и что нельзя. В последних трёх играх он дважды отстоял на ноль, и мы смогли переломить ход серии и выиграть в семи матчах.

Это был первый раз, когда мне поручили такое важное дело, и я наслаждался моментом. Но, конечно, если б Уэндел забросил пару шайб, моё дежурство было бы отменено. Но это не произошло и я отлично себя чувствовал, будучи одним из ключевых игроков команды.

«Знаете, кто повернул эту серию вспять», - рассказывал одноклубник Тим Хиггинс в интервью газете «Уинзор Стар». – «Боб Проберт и Джо Кошур, вот кто. Кошур просто как по писаному выключил Кларка из игры, а Проберт несколько раз оказывался в нужном месте в нужное время, что привело к важным забитым голам».

Как и в прошлом году, наш путь к заветной мечте закончился в финале Западной Конференции, где мы так и не смогли подобрать ключей к прущим напролом Эдмонтон Ойлерс. Они выиграла два кубка подряд, побив нас оба раза 4:1. В то время я был уверен, что мы могли бы победить их. Сейчас же я удивляюсь тому, как мы вообще смогли зацепить хотя бы одну игру, настолько они были хороши.

Помню, в одной игре мы вели 3:1 уже в первом периоде, да ещё и на выезде. Выиграли вбрасывание, я бросил, шайба полетела в дальний угол, мимо их вратаря Гранта Фюра и... в воротах её не оказалось. Эдмонтон смог отыграть дефицит и выиграть матч. Вот такие вот мелочи, заставляющие удивляться. Было бы 4:1, то, скорее всего, выиграли бы уже мы и серия пошла бы по иному сценарию

Ойлерс были великолепны. Но позднее, когда я играл с Мессье в Рейнджерс, он рассказал мне: «Больше всего мы боялись играть в плейофф с вами». Я спросил: «Думаешь, мы могли вас победить?». Он рассмеялся: «Никто бы не смог обыграть нас. Но били вы нас знатно. Лупили клюшками, цепляли, тыкали куда ни попадя больше чем любая другая команда». Что ж, хоть какое-то утешение.

Мы делали всё, что в наших силах, по правилам и с нарушениями, чтоб получить хоть какое-то преимущество. Опять вспоминаю одну игру, я катился на нашу лавку. Тогда я выходил в чекинг-лайн и наше звено оборонялось против Мессье, Гленна Андерсона и Кента Нильсона. На краю нашей скамьи сидел Глен Хэнлон, наш запасной кипер. Он позвал меня: «Садись сюда и дай мне свою крагу». Зачерпнув из банки полную горсть вазелина, он обмазал им мою крагу. «Что я буду с этим делать», - недоумевал я. «На вбрасывании обмажешь им визор Нильсона и ему придётся ехать менять его».

Я так и сделал. Нильсон попытался стереть вазелин, но у него ничего не вышло. Ему пришлось укатиться на скамью, заменить. Это была просто одна смена, но такие мелкие хитрости-пакости мы старались устраивать постоянно, чтобы получить хоть какое-то преимущество.

Мы постоянно норовили устроить паузу, сбить темп игры. О, что это за хрень там на льду, погодите, надо свистнут, остановить игру. Но болельщики ничего не кидали на лёд. Ни монет, ни серпантина. Это были мы.

Чтобы не происходило, виной тому были мы. Лёд внезапно покрывался слоем воды, но из-за жары это или же из-за того, что кто-то выключил холодильную установку? Не скажу со стопроцентной уверенностью, но казалось, что в любой игре плейофф против Ойлерс, лёд на Джо Луис Арена становился тоньше. Ну как в 90-х годах, игры против Колорадо, когда вдруг раздевалку покрасили перед началом серии. Ищешь любую возможность получить хоть какое-то преимущество.

Больше всего мне нравилось в той команде Красных Крыльев это наше желание победы. Все выходили биться до последнего. Посмотрите старые ролики с потасовками. Сколько драчунов было за мной и Бобом Пробертом? Стив Чиассон, Рик Зомбо, Джерард Галлант и нынешний помощник ГМ Детройта Джимми Нилл. Может, он и не выглядел супербойцом, но хорошенько врезать с левой он умел.

Были и другие, не тяжеловесы, но не чуравшиеся хорошей потасовки. Дэйв Барр был готов скинуть краги в любой момент. У Джерри Галланта было самое большое сердце из всех, с кем я играл. Подражаться он никогда не отказывался. Даже наш вратарь Грег Стефан, любил размять кулаки. А его коллега Глен Хэнлон был одним из самых колоритных персонажей в истории игры.

Как-то мы играли в Баффало и безнадежно утопали 2:7. Майк Фолиньо – любитель подпрыгнуть высоко в воздух, празднуя забитый гол, получил право на буллит. Он выкатился на Хэнлона, но обыграть его не смог. И Хэнлон изобразил победный прыжок Фолиньо так похоже, что мы надорвали себе животы от смеха, сидя на скамейке.

Но, говоря о жесткости команд, я имею в виду не только драки. Манера игры нынешних Крыльев опасна для них самих. К решающей седьмой игре плейофф, Уингс подходят все побитые и травмированные, потому что их лупят все шесть игр до этого, а их соперникам практически не достаётся. Чем больше ты попадаешь под силовые приёмы, тем сильнее изнашивается тело. А сопернички-то такие же свежие как и в первых играх. И им не приходится постоянно оглядываться, ждать мощного удара в корпус со спины.

Вспомните два наших победных года, 1997 и 1998. Третья и четвёртая тройки, Крис Дрэйпер, Кирк Молтби, я, Даррен Маккарти, Мартин Лапойнт. Плюс Томас Сандстрём и Томас Холмстрём. Отличные игроки силового плана, которые могут измотать любого соперника, постоянно оказывая на него давление. Пройдёшь мимо них, угодишь на Аарона Уорда или Боба Роуза, которые тоже не прочь расплющить тебя по льду.

Вот что тут нужно сказать. В командах, которые выходят в плейофф, всегда есть такие игроки, которые заставляют соперника всегда быть начеку. У нас же таким игроком определённо был жесткий, выводящий соперников из себя, защитник Владимир Константинов. Крис Пронгер, может, и не сознается в этом, но когда мы играли с Сент-Луисом в плейофф, он всегда оглядывался назад, ожидая неприятностей. Или, например, Дэйл Хаверчак, игравший против нас за Филадельфию в финале 1997, тоже знал, что нужно быть настороже.

Этим же можно объяснить и то, почему Оттава никак не может победить Торонто в плейофф. К концу серии Торонто лупит, хитует, плющит соперников как хочет, не получая того же самого в ответ. Вот это и есть жёсткость команды. И такого хватало и в нашей команде, когда я ещё играл за Уингс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРИКОВ «1940» БОЛЬШЕ НЕ СЛЫШНО

Драки не проходят даром для твоего тела, особенно для главных их инструментов. За время моей карьеры у меня было пять операций на руках.

О первой я уже упоминал, когда меня впервые вызвали в Детройт в 1985 и я чуть не лишился руки вообще. Эта была самая серьезная травма, но та, которая была самой болезненной, случилась в 1991 году. По лиге и в прессе носились слухи, что я больше не хочу драться. Мои две визитные карточки совсем плохи и быть тафгаем я больше не хочу.

Что ж, расскажу, что было на самом деле. Я серьезно порезал средний палец правой руки в драке с Робом Рэем из Баффало, 1 декабря 1990 года. Я не хирург, поэтому объясню, что за травма по-простецки. На фаланге пальца есть сухожилие, суставная сумка и кожа. В драке же я порвал сухожилие и вывернул оба сустава. Каждый раз, когда приходилось бить этой рукой, боль вонзалась прямо в мозг. Болело просто жутко, так что я больше не мог биться.

Закончилось всё тремя неделями лазарета и моим обменом, который провернул Брайан Мюррей. 5 марта 1991 года меня отправили в Нью-Йорк Рейнджерс на пару с защитником Пер Джуусом в обмен на форварда Кевина Миллера и тафгаев Джима Камминса и Денниса Виала.

Все эти слухи выводили меня из себя. Видите ли, я не хочу больше драться и я больше не тафгай. За Нью-Йорк я отыграл 5 игр в сезоне 1990-91.

В мае того же года мне провели операцию на поврежденном пальце. Мне сшили сухожилие и вернули суставную сумку на место. К началу сезона я был полностью готов. Я снова мог драться. Никаких проблем, никаких травм, никаких болей.

Но боль гнездилась у меня внутри. То, что Ред Уингс, нет, не сами Крылья, но определённые люди, которые просто не дали себе труда разобраться в ситуации, узнать у докторов, понять где в слухах правда, где – нет... это было совершенно неправильно. Не так должно было решать эту ситуацию. Они всё свели к: «Лучше мы просто избавимся от проблемы. Не хочет драться, пусть не хочет где-нибудь в другой команде». Вот это и напрягало. Я отдавал Красным Крыльям всего себя со дня драфта.

Это был тяжелый период в моей жизни, но, по крайней мере, я перешёл из одной хорошей команды в другую, в которой мне также удалось завоевать Кубок. Лучшего времени для перехода могло бы и не быть. Лидером команды был Марк Мессье, которого сменяли из Эдмонтона. Вместе со мной в команду прибыли два звёздных игрока: защитник Брайан Литч и вратарь Майк Рихтер.

Если бы я не выиграл Кубок с Рейнджерс, я мог бы сказать, что это было худшее, что случилось со мной. Но, после победы и поворота в моей карьере, это, возможно, лучшее, что со мной происходило. Переход в Нью-Йорк дал мне возможность пополнить свою коллекцию чемпионских перстней и, независимо от твоей роли в команде, если ты победил, тебя запоминают как игрока команды-победительницы.

Одно явное отличие игры в Рейнджерс от игры за Детройт я заметил практически сразу. В Дейтrote Крылья – короли. Шагу не ступить, чтобы тебя кто-то не узнал. Вокруг Нью-Йорка же никто не знал игроков. Мы не жили и не тренировались в самом городе. Стадион был в округе Уэстчестер, что в сорока минутах от Манхэттена. В городе мы появлялись только на игры сезона и плейофф, так что наши домашние игры были как выездные. Мы не знали вплоть до начала игры, каким будет лёд и стадион. У нас также было два комплекта амуниции – один для тренировок, второй для игр, что было странно.

Но, скажу я вам, Нью-Йорк был жарким местечком. Болельщики реально превозносили команду. Членам семей и женам тоже нравилось там, потому что к ним относились как к членам королевских семей. Для них была отдельная комната на шестом этаже Мэдисон Сквер

Гарден с окнами, выходящими на Манхэттен. Уверен, что большинство жён никогда не смотрели игр «вживую». Они просто приходили расслабиться на стадион, насладиться общением и смотрели игру по телевизору. С ними обращались также как и с игроками.

Ещё одним большим отличием игр за Рейнджерс была возможность проникнуться философией победителей. В победном для нас году за нас играли Марк Мессье, защитники Кевин Лоу и Джефф Бьюкибум, нападающие Гленн Андерсон и Адам Грэйвс, побивший рекорд Рейнджерс в том сезоне – 52 забитых шайбы за сезон, Эса Тикканен и Крэйг Мактавиш – все из династии Эдмонтон Ойлерс, завоевавших 5 кубков Стэнли в период между 1984 и 1990 годами. Семь парней с двадцатью шестью перстнями победителей. Нас вели за собой игроки-победители.

Знаете, например, во время игры не говорят же о том, что сегодня мы не пропустим ни одной, чтобы не сглазить. Точно также и с кубком Стэнли. Пока ты играешь в плейофф, никаких разговоров о победе в финале. Но, первые же слова Мессье нарушили это табу: «Нет. Хочешь завоевать Кубок – говори об этом. Хочешь сыграть на ноль, вперёд, веди за собой: «Не дадим им забить, мужики». Он был весьма уверен в себе и это многое значило для остальных.

Тренером был Железный Майк Кинэн и он проделал хорошую работу. Он очень эмоционален, но Мессье и Лоу всегда улаживали конфликты, когда Майк начинал уж слишком буйствовать. Сначала Майк устраивал большую разборку, на которой он рвал и метал, называя всех кусками дерьма. Потом Майк и Кевин уже без него устраивали приватную встречу, на которой всё разбиралось без лишних эмоций и для всех находились добрые слова. Какие мы хорошие игроки, как неплохо мы отыграли в большинстве, устояли в меньшинстве, первые в лиге в той или иной категории. Ну прямо стандарт: плохой полицейский – хороший полицейский.

Уверен, что Майк знал об этом. Но у всех есть свои способы заставить вещи работать. Он ачал тренерскую карьеру у Скотт Боумэна, ставший моим тренером позже, когда я вернулся в Детройт. Многим было тяжело играть под руководством Кинэна и Боумэна, потому что те – очень требовательные тренеры. Но мне они нравились оба, каждый по своему, и совершенно не так как Жак Демер.

Майк, он любил, когда ты играл так, как он хотел. Если он хотел, чтобы ты пробил стену, и ты пробивал, место тебе было гарантировано. Но ты должен смотреть ему в глаза, когда он даёт тебе это задание. Малейший признак слабости – он материт тебя, а ты опускаешь голову – он считал это слабостью и ты надолго у него не задержишься. С другой стороны, если он достаёт тебя, а ты отвечаешь ему, почти начинаешь спорить, ему это нравилось.

Но со Скотти спорить было нельзя. В отличие от Майка он не говорил много обидных слов. Майк порой совсем не следил за своей речью, говорил такое, о чём потом жалел. Но Скотти был очень спокойным и расчётливым. Он всегда заставлял тебя задуматься над его словами. Например: «Как думаешь, тебе стоит сделать так?» или «Ты не думаешь, что если сделать так, то это будет лучше?»

Ты никогда не мог знать наперёд, что скажет Скотти. Он менялся чуть ли не каждый день. Ты проходишь мимо него в раздевалку и не знаешь, поздоровается ли он с тобой или просто пройдёт мимо, будто не заметил.

Я учился игре в хоккей у всех своих тренеров, но Скотти будто сам учился в хоккейном классе. Единственное, в чем Скотти, Кинэн и Лемэр были похожи, это вот в чём: Если ты выкладываешься на сто процентов, делаешь то, что тебе говорят, ты играешь. Да, бывает, ты ошибаешься. Все могут налажать, особенно тафгаи. У тебя даже больше ошибок, потому что у тебя больше эмоций на льду. Делаешь то, что не должен. Но они тебя всё равно уважают, потому что ты играешь жёстко и выкладываешься в каждой игре.

Я думал, что мы могли выиграть Кубок ещё в 1992 году, в мой первый полный сезон с Рейнджерс. Мы стали первыми в регулярном сезоне, набрав 105 очков и впервые за 50 лет финишировав наверху таблицы. Но во втором раунде плейофф нас сбросили с поезда Марио Лемье и Питтсбург Пингвинс.

В следующем сезоне в плейофф мы не попали, тогда то нашим главным тренером стал Майк Кинэн, который уже подбирался вплотную к Кубку. Он вывел Чикаго Блэкхокс в финал в 1991-92, уступив Питтсбургу. До этого он дважды вышел в финал с Филадельфией Флайерс в 1984-85 и 1986-87, проиграв в обоих случаях Эдмонтон Ойлерс.

Думаю, руководство решило, если мы не можем побить их, тогда возьмём их к себе. К нас добавилось сразу несколько хоккеистов, игравших в Эдмонтон Ойлерс. Лидером новоприбывших был, вне всякого сомнения, Марк Мессье. Он был великолепен.

Просто удивительно, как легко для нас началась та весна. Мы всухую одолели заклятых соперников из Айлендерс, и выиграли семь игр плейофф подряд, прежде чем уступить в четвертой игре второго раунда Вашингтону 2:4. Но следующая игра осталась за нами, как и серия 4:1.

Дальше должно было быть труднее и оно и стало. Нью-Джерси Девилс прикатили к нам в Мэдисон Сквер Гарден на первую игру финала Восточной конференции и обыграли нас 4:3, благодаря голу Стефана Рише на 35:23 минуте овертайма. Во второй игре Рихтер «засушил» их 4:0, потом в гостях уже мы обыграли их во втором овертайме 3:2. Победную шайбу забил Стефан Матто на 26:13 минуте. (Кошур не пишет об этом, но Рейнджерс проиграли четвёртую игру 1:3)

Мы вернулись домой, надеясь вновь повести в серии, но обломались. Мы с треском проиграли 1:4 и вернулись в Нью-Джерси с мыслями, как бы избежать вылета. По приезду слово взял Мессье. Он уверенно объявил, что 27 мая (День 7-ой игры по расписанию) мы вернёмся в Нью-Йорк. Он давал гарантию, что так и будет. Конечно же, он сказал, но это не было абсолютной гарантией. Он пытался сплотить команду, но сказать что-то похожее в Эдмонтоне, это не одно и то же, как сказать об этом в Большом Яблоке (прозвище Нью-Йорка).

Его спросили: «А что будет сегодня?». И всё, что он сказал, было: «Мы победим и вернёмся домой на седьмую игру». Он не сказал: «Я гарантирую вам, мы победим», но газеты преподнесли его слова именно так, потому что это отличные слова для цитаты. В любом случае, хет-трик Марка в третьем периоде принёс нам победу 4:2. Седьмая игра опять растянулась на два дополнительных периода, став уже третьей подобной игрой в серии. И снова забил Стефан Матто на 24:24 минуте.

Финал кубка Стэнли мы начали с домашнего поражения Ванкуверу 2:3, победный гол в овертайме на счету Грега Адамса. Затем мы трижды обыграли их, 4:1 – дома и 3:1 и 4:2 в Ванкувере. Чаша Лорда Стэнли была от нас всего в одной победе. Но, как говорят с давних пор, самая сложная победа в каждой серии – это четвёртая и, да, это правда на все сто процентов.

Одним из моих лучших друзей является Джоуи Марускин, с которым я познакомился, когда впервые приехал в Детройт. Мы сдружились с ним и жили в отеле в одной комнате. Он приехал в Нью-Йорк на пятую игру серии. С ним было пара приятелей и он хотел увидеть меня с кубком Стэнли. Он хотел быть там и разделить радость победы. За день до игры он предупредил, что придёт на стадион. Я позвонил ему и сказал: «У меня есть четыре билета, но на игру прилетают на самолёте команды мой отец, мать и сёстры, так что нету билета для тебя». Он в шутку ответил: «Надеюсь, вы проиграете». Так и случилось, нас раскатали 6:3.

Мы проигрывали по ходу матча 1:3, но к 11-ой минуте третьего периода мы смогли сравнять счёт и стадион забурлил. Они забили три, мы – три, но потом они добавили ещё три, а мы уже не смогли. Я позвонил Джоуи: «Слышь, умник, теперь твои шуточки не проканают. Давай, дуй в Ванкувер». Он прилетел, прокатился на нашем автобусе на стадион, и мы снова проиграли 1:4.

Джоуи сказал мне: «Ладно, на 7 игру я не поеду, я исчерпал свои шансы». Но на утро перед последней игрой я позвонил ему и спросил, что он собирается делать. Он намеревался пойти на работу и потом посмотреть игру по телеку. Я зазвал его на игру опять. Мой приятель, Томми Селяни, летел в Нью-Йорк на своём самолёте на встречу и я попросил его захватить Джоуи с собой.

Последние две минуты той игры были самыми длинными минутами в моей жизни. Это был тихий ужас. Помню, как Мактавиш выиграл последнее вбрасывание, которое и закрепило победу за нами. После ледового празднования, я взял Джоуи с собой под трибуны. Он пригубил напиток из Кубка. Охранники пытались выдворить всех, кто не были членами семей победителей, но я сказал, что Джоуи со мной и нас оставили в покое.

Ещё помню, что каждый игрок уехал после игры на персональном лимузине. Вот это был классный подарок от Рейнджерс. На самом деле, единственное, что меня не радует из воспоминаний о том дне, это то, что я не играл в седьмой игре. Я отыграл в плейофф в 20 играх из 22, однажды забил, однажды помог голу партнёров и заработал 17 штрафных минут. Но в шестой игре я получил травму ноги.

Я делал всё возможное, чтобы быть готовым к главной игре, но порвал мышцу. Потребовалось 11 часов лечения моей ноги, и я был готов к седьмой игре. Я сказал Кинэну, что нет никаких проблем, я могу играть. На раскатке я отлично себя чувствовал, но Кинэн заявил: Знаешь что? Нам нужны здоровые игроки». В итоге меня заменил Ник Кипреос.

Дело было ещё в том, что после того, как я получил травму, я продолжил играть в том матче. Мышцу я порвал ещё во втором периоде, мы к тому времени уже летели, так что я выходил на лёд в каждой второй смене в третьем периоде. Ноге становилось всё хуже и хуже. Но игра была уже проиграна, и Майк давал отдохнуть лидерам.

В любом случае, я стал трехкратным обладателем кубка Стэнли и жаловаться мне вовсе не с руки. Мы выиграли 3:2 и легко догадаться, кто забросил победную шайбу. Мессье, вот кто.

Ещё мне нравится, что после нашей победы в 1993-94 критики утихли насовсем. Не везде – не во Флориде или Тампе – но почти повсюду, где бы мы не играли на восточном побережье – Айлендерс, Девилс, Вашингтон, Филадельфия, Питтсбург – каждый раз трибуны скандировали «1940», напоминая о последней победе Рейнджерс в Кубке. Это была самая продолжительная «засуха» в истории НХЛ.

В Нью-Йорке тоже всё, что ты слышал, это были цифры «1940» - в каждой игре, в каждом периоде. Это стало уже надоедать. Но мы вовремя победили и опять же, основная заслуга на счёту Марка Мессье. Он был не только лучшим нашим игроком, он был нашим лидером. Тот, кто заставил нас говорить о Кубке. Говорить о том, как мы хотим победить, говорить так, как будто он уже наш, так, будто он будет наш и только наш.

Как только мы начали говорить о победе, криков «1940» уже не было слышно. Это было словно дополнительным бонусом – заставим этих мудаков заткнуться. Теперь мы больше уже не услышим «1940». В следующем сезоне, во время нашей первой игры на Лонг-Айленде против Айлендерс около 3000 болельщиков Рейнджерс затаили «1983» - год последнего завоевания Кубка Островитянами. Это было словно бальзам на уши.

У меня есть видео парада по Манхэттену после нашей победы. Я часто её пересматриваю. Парады в других городах не идут ни в какое сравнение с Нью-Йоркскими. Идешь без остановок к каньону героев, через Баттери Парк, по Бродвею... У меня все еще бегают мурашки по коже от этих воспоминаний. Проходишь мимо этих 50-этажных зданий, люди выбрасывают бумажные ленты из окон, атмосфера наэлектризована и вокруг полный восторг.

Потом был мой день с кубком Стэнли. Верите, нет, но когда эта сияющая серебряная чаша появилась на пороге моего дома, вечеринка не останавливалась ни на секунду. Тогда ещё кубок не сопровождал никто из работников Хоккейного Зала Славы, как сейчас.

Я забирал его из аэропорта. Открыв большую голубую коробку я увидел, что верхняя часть Кубка сломана. Мои приятели из скобяной лавки помогли мне достать серебряного припоя и мы починили Кубок. Я сам ронял его на верхушку раз пять в разных местах, но спаяли мы всё качественно.

У всех есть своя особая история о проведенном дне с Кубком и я не исключение. Я решил проверить, хорошо ли плавают Лорд Стэнли. Надел на него спасательный жилет и плюхнул в озеро Дак в Хайленде, Мичиган. Оно всего метра полтора глубиной. Кубок не утонул. Мы

выловили его обратно и провезли вокруг озера. В середине недели на воде было мало катеров и лодок, но все, кто видел нашу затею, подплыли поближе.

Появление Кубка Стэнли всегда собирает толпу зрителей. Думаю, как раз в следующем году Кубок стали сопровождать служащие Хоккейного Зала Славы. Эти зрители должны проставить мне пива, потому что именно мои выкрутасы с Кубком устроили им отличную работу.

Дома у меня нет большого количества всяких безделушек, помимо кубков, но есть одна вещь, которой я дорожу и которой чуть не лишился. У меня есть ярко сияющая серебряная клюшка Уэйна Гретцки, которую он подписал и подарил мне. Ватага пацанов прибежала ко мне как-то домой, хотели поиграть в уличный хоккей. Я махнул им в сторону гаража: «Клюшки там». Я вышел спустя несколько минут и увидел, как один из мальчиков гоняет шайбу серебряной клюшкой Гретцки. Он взял её не из гаража. Он спустился вниз дома, зная, что я храню эту клюшку там. Я вежливо предложил ему взять любую другую клюшку.

Забавно ещё то, что, одолев Кэнакс в финале 1994 года, менее через 2 года я стал одним из них. Рейнджерс обменяли меня в Ванкувер на вратаря Кея Уитмора. Мне надо было сыграть ещё четыре или пять игр, чтобы получить стотысячный бонус за количество сыгранных игр. Но с Рейнджерс я не сыграл бы их, потому что они только что сменяли себе тафгаев Шейна Чурлу и Марти Максорли. Я отправился к Соупи – ака тренер Рейнджерс Колин Кэмпбелл, моему старому одноклубнику по Детройту и спросил: «Мне бы хотелось обмена. Ты сможешь мне?» Вот меня и обменяли в Ванкувер, где я сыграл достаточное количество игр – даже на одну больше, чем нужно было – и получил свой бонус.

Ванкувер знал о моей контрактной ситуации. Но пришло лето и мне было сказано: «Мы подписываем Троя Краудера». Хорошим для них это не кончилось, Трой отыграл только 30 игр, травмировал спину и больше не сыграл ни одной игры.

Мне это было непонятно. Зачем тогда было терять 100000 долларов на мой бонус, если они могли спокойно усадить меня в прессбокс на две последних игры и не платить мне? Я-то рассчитывал ещё долго играть в Кэнакс, считая, что тот бонус означал их желание видеть меня в команде. И я не предполагал, что в конечном итоге, вышло всё не так, как я рассчитывал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БРАТ ПО ОРУЖИЮ

Осенью 1996 года я остался вне профессионального хоккея. Надежды вернуться в НХЛ я никогда не терял, но время работало против меня.

Но мой брат по оружию помог мне вернуться. В конце октября 1996 года, Проби играл за Блэкхокс и они приехали в Детройт. За две недели до этого Детройт лишился своего тафгая Стю Grimсона, выставив его на драфт отказов, откуда его забрал Хартфорд Уэйлерс. В городе поднялась паника по поводу того, что Уингс не хватает силовиков.

Я приехал на игру и зашёл в раздевалку Чикаго, повидаться с Проби. Я отвёл его в сторонку после игры и в шутку предложил: «Смотри, ты можешь кое-что сделать. Заставь Детройт осознать, что им срочно необходим тафгай. В следующей вашей игре здесь устрой что-нибудь эдакое».

Что ж, в следующей игре Детройта и Чикаго Проби вышел на лёд и начал сокрушать игроков Уингс налево и направо и орудовать клюшкой словно шпагой. По моему, он сделал отбивную из Джемми Пушора и ткнул клюшкой Брендана Шенахана. Он играл так, словно ему сорвало крышу. Газеты на следующий день вышли с громадными статьями, в которых заявлялось, что Детройту как воздух необходим тафгай.

Боб Войновски, ведущий спортивной колонки в Детройт Ньюс, написал заметку о том, что я ещё в городе и взял у меня интервью в спортивном зале. Мой агент Ларри Раух сказал мне, что кое-что слышал о словах Боумэна и посоветовал мне отправиться в Сан-Антонио из лиги IHL и сыграть 5-6 игр перед Рождеством. Как раз набрать былые кондиции и Детройт, возможно, заинтересуется мною.

Я так и сделал и это сработало. Где-то в районе Рождества Детройт подписал со мной контракт и я вернулся в шоу. Большая заслуга в этом принадлежала Проби. И, если вы ещё не знаете, то моя вторая игра по возвращении в НХЛ была против Чикаго. Никаких сценариев возвращения, всё было в реале.

Я должен был показать себя Скотти. Первая и вторая смены прошли безо всяких происшествий. На третьей смене составов Джемми Пушор схлестнулся с Кэмом Расселлом и Скотти выпустил меня на следующее вбрасывание, аккуратно напротив Проби. Шайба полетела на лёд и я сказал: «Проби, нам придётся драться». Он взглянул на меня: «Давай, мужик, для этого я и помог тебе вернуться». Последовала старая добрая потасовка напротив скамейки штрафников. У меня есть фото этой драки и на заднем плане хорошо видно ликующих болельщиков.

Закончилось всё моим падением на него. Помню, я сказал ему: «Проби, я тебя обожаю. Спасибо за помощь». А он: «Нет проблем, брат».

Позже в игре какая-то заварушка началась прямо перед их скамьёй запасных. Кэм Расселл налетел на меня и я сбросил краги. Почти сразу я нагнул его к их лавке и начал лупить, периодически прикладывая его головой о разделяющее скамейки запасных двух команд заградительное стекло. Я не знал этого, но Проби, сидя на лавке, хотел оттащить меня, но, кажется, Денис Савар не дал ему сделать это, иначе бы Проби схлопотал дисквалификацию. (На самом деле, какие-то попытки оттащить Кошура предпринимал Энрико Чикконе <http://www.youtube.com/watch?v=tM5NkpH06Hs> – прим. Святослав Панов).

Это была вторая наша драка с Бобом. Впервые мы сошлись в кулачном бою 17 декабря 1993 года, на Джо Луис Арена. Возможно, это было самое нервирующее событие в моей жизни, потому что это была моя первая игра против Ред Уингс в качестве игрока Рейнджерс. Воздух был настолько наэлектризован, что я почти чувствовал, как мои волосы встают дыбом.

Драка произошла на смене составов. Эса Тиканен дернул кого-то из Крыльев, Проби пихнул его. И не знаю, как это получилось, он как-то сумел выбраться из общей кучи, а я был уже наготове. Если вы спросите его, он может сказать, что я рассёк ему кожу под глазом, но я не

бравирую этим. Болельщики обычно раздувают из этого целую трагедию, но для нас это было пустяком. Мы злились друг на друга ещё с тех пор, как делили гостиничный номер на выездах, за Детройт. Он никогда не убирал за собой.

На самом деле, я никогда не хотел драться лишь с моим другом Келли Чейзом. Мне он нравился как человек, знал я его очень хорошо, и биться с ним у меня особого желания не было. Насчёт драки с Проби я особо не парился, потому что знал, что травмировать его всё равно не смогу. Драться с ним было невероятно сложно. Ты мог одолевать его в первые полминуты схватки, но потом драка превращалась в резню, причём пострадавшим становился его оппонент. Уйти от его кулаков было невозможно.

Он был номер первый среди тафгаев нашего поколения в НХЛ. Спросите любого, разбирающегося в игре, и он подтвердит мои слова. Если бы это было моим решением, я бы избрал Проби в Хоккейный Зал Славы. И я весьма и весьма рад, что большую часть наших карьер мы играли в одной команде.

Впервые мы с ним повстречались на вечеринке, организованной Детройтом для своих задрафтованных в 1983 году, игроков. Примерно через пару недель после драфта нас собрали в Карл Чоп Хаус на обед. Это были последние выходные июня. Мы посетили игру Детройт Тайгерс и наблюдали за салютом со своих мест на Тайгер Стадиум.

Для меня это было первой поездкой в большой город. И, да, этот парень Айзерман тоже был там. Вы, вероятно, слышали о нём. Его выбрали на драфте в том же году, что меня и Проби. Единственный, кого не было на этом вечеринке, был Петр Клима, потому что он ещё не сбежал из Чехословакии.

В первые полтора года в Детройте я был постабильнее Проби. Меня подняли в команду после первых восьми игр в 1985 году и я остался до конца сезона. Его же то поднимали, то опускали обратно, по всяким поводам. Каждый раз, когда мы узнавали, что в команду снова приедет Проби, игроки улыбались. Я тоже ждал этих вызовов, потому что с ним моя работа была не в пример проще. И я надеялся, что и ему со мной в составе было проще.

Нам очень повезло в этом отношении. У многих команд в составе был лишь один тафгай. Одиноким боец не мог подготовиться к одному конкретному тафгаю в Детройте. Ему мог достаться я или Проби, а то и оба вместе. Думаю, это очень трудно, выходить против команды с кучей силовиков, будучи единственным тафгаем в команде.

В дивизионе Норрис, в командах Сент-Луис, Миннесота, Чикаго, Торонто, обычно было больше одного тафгая. У нас тоже были не только я и Проберт. Не чурались драки Стив Чиассон, Джерри Галлант и Ли Норвуд. Запугивать соперников, отобрать у них волю к победе, подорвать уверенность в себе, было нашим способом побеждать. Заставить их заплатить.

Удары, толчки клюшкой – противники знали, что этого не избежать. Я не делал этого чересчур грубо, просто потому что я хотел подраться с кем-нибудь. Я скидывал краги, когда считал, что требуется силовое вмешательство – заступиться за одноклубника, прикрыть собой, дать нам небольшое преимущество – особенно при игре в гостях. Думаю, если вы посмотрите наши драки, то заметите, что большинство из них случались, когда мы играли в гостях. Приезжай и побеждай!

Дома мы нечасто сбрасывали краги, потому что здесь у нас было больше поддержки. На выезде, неважно, врежемся ли мы во вратаря, устроим драку в начале игры, мы заставляли всех в нашей раздевалке чувствовать себя комфортно и лишить комфорта тех, кто сидел в раздевалке соперников.

Мы все были жадны до игры. Он дрался в одной игре, я боксировал в другой. Мы знали технику боя большинства из тех, с кем дрались. На старте карьеры мы часто бились с одними и теми же, типа Эла Секорда и Джея Миллера.

Мне и Проби не нужно было думать долго, прежде чем ввязаться в потасовку. Что в 18 лет, что в 42, он оставался всё тем же, разве что цвет волос поменялся. Он напоминает мне Крамера из сериала Сайнфелд, с его манерами, тем как он входит в комнату и передвигается.

Мы оба безмерно уважаем друг друга, потому что мы знаем, что наша работа нелегка. Каждый из нас помогал другому как мог. Чтобы уметь драться, нужно любить драться. Если тебе не нравятся потасовки, то и не ввязывайся в них, всё равно хорошо это у тебя не выйдет. Если ты беспокоишься, как бы провести силовой приём, то ты и не сможешь его провести.

Когда начинается потасовка, ты должен знать, как контролировать не только себя, но и своего оппонента. Я, бывало, подходил поближе, хватался двумя руками и управлял течением драки. Когда я считал, что оппонент под моим контролем, я начинал бить. Вот такая у меня тактика ведения боя, которой я научил себя сам. Не знаю, может, я научился биться в школьных драках или в стычках с соседями. Определил, как сподручнее кого-то удерживать, что бы не пропустить удар или, по крайней мере, несильный. Когда я стал тафгаем, все эти навыки пришли ко мне свободно и легко.

Я никогда не начинал размахивать руками с самого начала потасовки. Сначала установить контроль над оппонентом, затем бить. Были, естественно, те, кто шёл в размен, даже не стараясь особо зацепиться, но это обычно они часто получали травмы в драках. У меня не было такой скорости как у них. Но, как только я обнаружил, что я могу ударом отправить оппонента в нокдаун или нокаут – это было просто замечательно.

Конечно же, немаловажным ещё является и умение держать удар. Многие поединки проходили по такому сценарию, когда я позволял сопернику лупить меня. Обычно удары попадали сбоку головы или где-то там, не причиняя мне вреда. Противник набирался уверенности, подбирался ближе ко мне и тут наступало моё время.

Моей целью был один точный сокрушающий удар. Я наносил его, одновременно подтягивая соперника ко мне. Сила удара удваивалась. Таковой была моя стратегия и, если с первого раза мне не удавалось достать противника, я снова отталкивал его.

Во многих моих потасовках я пытался закончить дело одним размашистым ударом, а в случае моего промаха, мы обычно оба падали на лёд. Равновесие потерять было проще простого, ведь я и бил, я и тянул, да и соперник на месте не стоял. Драка, понятное дело, на этом заканчивалась. Если же описать мой стиль коротко, то я не из любителей просто боксировать, стоя на некотором расстоянии друг от друга.

Зато Проби в этом был настоящий доке. Он был боксёром. Не входя в клинч, он бил, бил и бил своего противника. В сравнении с ним, я больше уличный боец: старался закончить драку как можно быстрее, до того, как приедет полиция. А у Проби чем дольше длилась драка, тем было лучше для него.

Он был очень силен физически. Но я и понятия не имею, как он стал таким, потому что я никогда не видел его напряжённо тренирующимся в спортзале. Мне кажется, что я видел его проходящим по спортзалу всего один раз. Его оппоненты просто изматывали себя, пытаясь достать ударами, ведь он был таким высоким. Он отодвигался подальше от машущего кулаками противника, поправлял шлем, налокотники, в общем, делал что-то, пока противник постепенно уставал. Потом Проби просто переворачивал ход потасовки с ног на голову. Пока соперник стоял на ногах, Проби нагружал его зуботычинами. Единственным способом прекратить эти удары, было упасть на лёд.

Вне же льда Проби был довольным тихим. Пригласите его на ужин, пригласите на вечеринку и он может весь вечер просто просидеть в углу. Понятно, народ постоянно скапливался вокруг него, но он был очень скромным и спокойным. Даже 29 забитых шайб в одном из сезонов никак не поменяли его.

Я по прежнему бурчу на него, что он мог бы и набрать ещё пару минут штрафа, дойти до круглой цифры 400, а не останавливаться на 398 минутах за сезон. Самого его этот факт совершенно не интересует. Эти 398 минут до сих пор рекорд команды, но постойте, и у меня ещё остался не побитый никем рекорд. 377 минут штрафа в НХЛ в сезоне 1985-86 - это и по сей день лучший результат для новичков Лиги и, конечно же, Детройта.

Хоккейная поговорка про тафгая, постепенно становящегося швейцаром на дверце скамейки запасных, никоим образом не относилась к Проби. Даже после 29 забитых шайб и игры в Матче Всех Звёзд, он остался тем же самым игроком и в последующие годы. Он знал, что ему посчастливилось сыграть в одном звени со Стиви и Джерардом Галлантом. Он знал, что делать, чтобы получить больше времени в матче. Случись недопонимание со стороны соперников, он тут как тут, вылетал на лёд, движимый жаждой мщениия. Его могли удалить на 5, на 10 минут или вообще до конца игры, но его это совсем не интересовало. Ему было всё равно, забьёт ли он ещё один гол. Он просто делал свою работу. Уверен, что у него было много потасовок, когда он и не злился по-настоящему. Он делал это, потому что знал, что должен.

Но когда кто-то выводил его из себя или вызывал вражду, тогда он проявлял себя во всей красе.словно некий переключатель. Когда он переключался – неважно, было ли это вовремя или в неподходящее время и место, все это сразу чувствовали. И упаси вас Бог быть тем, кто задел этот переключатель, хорошим это не кончалось. Все шутки сразу отметались в сторону. К счастью, такое не случалось часто. Перед игрой сигаретка и пара шуток. Но были и игры, когда он точно знал, что от него требуется, и кто должен ответить.

Так оно и бывает. Ты не заботишься об этом ради себя, но весь город и штат смотрит на тебя и, конечно же, твои одноклубники на лавке. Они всё понимают. Те, кто не входит в круг посвященных, после твоего проигрыша, начинают пересуды о том, что ты уже не тот. Страх проигрыша не в том, что получишь травму, а в том, что об это скажут и будут думать люди.

Вспоминаю, как Тодд Юэн свалил Проби в Сент-Луисе. Тодд удачно вклепил ему и позже в этой игре Проби взял реванш. Он не ждал удачного времени, новой игры, не собирался раздумывать о поражении лёжа в постели. Вышел и отомстил так быстро, как смог.

В то время команды были именно командой. Одного побили, за него выходит следующий. Как вращающаяся дверь. Как кот, метящий территорию. Если кто-то приложил Петра Климу или Джерарда Галланта или Брэда Парка, быть драке. Ты просто хочешь вступить за них. Именно и тем и занимались Проби и я. Драка ли, толчок вратаря, да что угодно, чтобы дать понять сопернику: «Эй, мы вовсе не спим».

Сейчас такое нечасто встретишь. Раньше, когда ты делал что-то конкретному игроку, он знал, что ближайшие три-четыре года выступлений за эту команду на этом стадионе, что-то может случиться с ним. Худшее – это неизвестность. Этот парень перед игрой ложится спать и думает: «Чёрт возьми, что же случится на этот раз».

Помню, как Рик Токкет, когда я вернулся в Детройт в конце 90-х, с разбегу врезался в Стиви. Токкет отсидел свой штраф и я был на льду, когда он выходил со скамьи штрафников. Незамеченным ему уйти не удалось, он даже первым сбросил краги. Он прекрасно знал: «Мне придётся принять вызов и ответить за свой поступок». Это вот и есть старая школа. Ты заступил за грань – будут последствия. Таков закон.

Многих хороших игроков штрафовали за то, что они дрались со мной или Проби. Скотт Стивенс, когда я пытался вовлечь его в драку, ошарашил меня: «Команда оштрафует меня, если я подерусь с тобой». Уверен, некоторые говорили это просто потому, что не хотели драться со мной или Проби. Но, если же они хотели драться, тем лучше. Я вывел из игры звёздного игрока – я выполнил свою работу на «пять».

Джим Кайт из Виннипега – неплохой боец, боксер. Он неплохо взгрел меня в мой дебютный сезон. Бил и бил, не сосчитать даже, сколько раз попал. Несколько сезонов спустя, он ткнул Айзермана клюшкой и врезал по рукам. Счёт был уже не важен и оставалось всего две минуты до конца игры.

Я выкатился на лёд; Демер не послал меня конкретно подраться, но поскольку оставалось всего ничего до конца, всякое могло произойти. Помню, я подъехал к защитнику Майку О'Коннеллу: «Жак послал меня драться с Джимом Кайтом?» Он отвечал: «Не знаю, но ты знаешь, что делать. Знаешь своё дело туго».

Прямо на вбрасывании я встал напротив Кайта и вызвал на бой. Не потому что он побил меня давно тому назад, а потому что он доставал Стиви всю игру. Думаю, исход нашего единственного боя придавал ему уверенности. Он выставил свой подбородок вперёд и начал выцеливать меня, но я ушёл с его радаров. Это был просто один из тех удачнейших ударов. Точно в челюсть, он рухнул и не поднялся.

Тренеры и доктора высыпали на лёд, окружив его. Это был один из тех моментов, когда я, даже победив, чувствовал себя отвратительно. Я полагал, что я нанёс ему весьма и весьма серьёзную травму. Потом он вернулся в хоккей, но не думаю, что он остался тем же, что и прежде.

Полагаю, на разных людей это и влияет по-разному. Точно знаю, что на пару других парней, с которыми я бился раньше, наша драка повлияла очень сильно и я до сих пор сожалею об этом. В потасовке с Брэдом Далгарно из Нью-Йорк Айлендерс в 1989 году я сломал ему скуловую кость. Он пропустил остаток текущего сезона и весь следующий.

Но опять же, я не дрался с ним лишь потому, что он мне не нравился. Я не дрался с ним потому, что он сделал что-то конкретно мне. Я скинул краги с ним потому, что он сделал что-то моей команде. Я не затеваю схваток каждую третью-четвертую смены. Спокойно катаюсь минут 15-20, а потом приходит время напомнить, что же такого нехорошего случилось. Уверен, что в большинстве случаев, когда я вызывал кого-то подраться, он не был уверен, почему же я пришёл по его душу. Ну или, может, всё-таки знал.

Брэд врезал нашему защитнику Гилберту Делорме, когда они гнались за проброшенной шайбой. Он подтолкнул его, направив головой прямо в борт. Я сожалею о том, что я сделал ему, но он вывел из строя моего одноклубника, защита которого была моей работой. Просто один удар попал очень точно. И опять, я старался травмировать его каждым своим ударом. Надеюсь, это не звучит слишком ужасно, но, если бы я мог всегда завершать драку одним ударом, это бы минимизировало мои потери и не изматывало бы настолько моё тело.

Будьте уверен, если вы – тафгай, ваше тело быстро состаривается и изнашивается. Помню, как мы входили в комнату тренеров вместе с Проби. На каждом суставе наших кулаков были царапины, ссадины, вырванные кусочки кожи и мяса. Нас всегда спрашивали: «Из-за чего?» Мы никогда не знали, из-за чего. Я осознал, что быстрейший путь вывести кого-то из строя, это бить со всей силы в голову. Даже если на голове был шлем, я пробивал его без особого труда. Большинство ссадин были поверхностными. Я знал, что они заживут.

На практике же всё было не так радостно. Пот в крагах невыносимо жёг руки. Пришлось смастерить приспособу, чтоб не драться, когда моим рукам было совсем худо. Мои перчатки приматывали скотчем к клюшке, так что снять налокотники я не мог. Иногда приходилось наглухо заматывать руки. Было несколько раз, когда со мной хотели подраться, а мне приходилось отказывать: «Я не могу». Или на раскатке, кто-то катался вокруг, пялился на меня, а я пожимал плечами, показывая свои забинтованные руки: «Придётся подождать до лучших времён».

Нам с Проби повезло, что наш помощник тренера Колин «Соупи» Кемпбелл приходился нам как бы наставником. Он всегда работал с нами дополнительно, отрабатывая игру в защите, раз по сто тренируя игру у бортов. Мы должны были овладеть шайбой у борта, сделать несколько шагов, а затем выбросить её из зоны или отпасовать. Фишкой Соупи было: «Если вы, парни, хотите играть в хоккей, вы должны полагаться друг на друга в своей зоне». Главным для крайних нападающих было выбросить шайбу от своих ворот. Не можешь справиться, сиди на лавке. Мы часами отрабатывали это упражнение.

Соупи очень многим помог мне и Проби в постижении игры. Сейчас он старший вице-президент НХЛ, раздающий дисквалификации и штрафы (Летом 2011 года его сменил Брендан Шэнахан – прим. Святослав Панов).

Сейчас игра совершенно другая. Несмотря на то, что драки разрешены, игра всё равно другая, с уклоном в бизнес. Тафгаи учатся. Они изучают соперников. Сейчас не проблема достать

нужное видео. Раньше такого не было. Нам просто перед игрой сообщали кой-какие данные и всё. Не только писали напротив фамилии: «хороший бросок, забивала», а и отмечали «правша, левша» касаясь бойцов.

Колин Кэмпбелл был в этом хорош. Он всегда имел последнюю информацию и делился ей с нами на доске. Даже несмотря на то, что он сейчас главный смотритель за дисциплиной в лиге, уверен, если вы его спросите лично, он ничего плохого не скажет о потасовках. Они контролируют игру. Они дисциплинируют игроков.

Я думаю, это единственная вещь, которая никогда не наскучит болельщикам. Вы можете часами крутить ролики слэмданков, хоумранов, тачдаунов, но, в конечном итоге, они надоедают. Вот хоккейная драка... Заходите в бар и если на экранах драка, 90% посетителей смотрят её.

Некоторые даже собирают коллекции ледовых боёв. Есть индивидуумы, которым драка не драка, если не было крови. Драки настолько популярны, что несколько лет назад даже было состязание «Хоккейные Гладиаторы», в котором тафгаи бились на льду в боксерских поединках. Правда, себя я в качестве участника таких шоу не вижу.

Но думаю, стоит провести турнир трое-на-трое с участием всех, кто заработал более 2000 минут штрафа. Устроить настоящее шоу. Турне по городам, раздача автографов. Звёзд увидеть можно всегда, но давайте устроим хоть что-то для тех, кто бился на льду столько много лет. У тебя должно быть достаточное количество штрафных минут и проведённых игр, чтобы стать участником. 15-21 игрок будет в самый раз.

Можно даже выставить двух самых задиристых вратарей, Рона Хекстолла и Билли Смита, к примеру. По одной игре в каждом городе, не обязательно в большом, но, может, где-то в Саскатчеване, родине одного из комбатантов. Может, в Йонктоне, а не в Саскатуне. Стадиончик тысяч на пять зрителей. Тур по Канаде. Тай Доми, Марти Максорли в составе, может, Тайгер Уильямс, если он всё ещё катается.

Всегда хорошо, что есть возможность дать что-то болельщикам, потому что я чувствую себя очень счастливым, потому что столько смог достичь в игре. Четыре кубка Стэнли – три как игрок и один как тренер. Во многом выигрыш Кубка – это оказаться в нужном месте в нужное время.

Проби, за все его заслуги перед игрой, реально заслужил Кубок. Скажу вам прямо сейчас, если бы не он, у меня был бы только один перстень победителя. Он смог убедить Скотти Боумэна, что я необходим команде. И, спросите любого в хоккейном мире, убедить в чём-то Скотти Боумэна очень и очень нелёгкая задача. Я благодарен Проби за это по гроб жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДОМОЙ В ХОККЕЙТАУН

Как я писал ранее, в марте 1996 года, в дедайн меня обменяли в Ванкувер. Я сыграл пять или шесть игр за Касаток и они решили не продлевать со мной контракт. Я ожидал всё лето приглашения из какой-нибудь команд, но ничего так и не пришло.

Я вспоминаю, что тренировался не покладая рук. Я был сильнее, чем когда-либо до этого, с надеждой вернуться. Лето ушло, открылись тренинг-кемпы, а я оставался безработным. Я играл во взрослой (старше 30 лет) пивной лиге в Лейкленде, Мичиган, пригороде Детройта. Спонсором, кажется, был Эл Диттрих, местный торговец автомобилями. В лиге было много тех, с кем я играл во время локаута 1994.

Я играл в своё удовольствие. Карьера, в принципе, сложилась и, если это было её завершением, сильно горевать не стал бы. Я играл защитником-домоседом. Я не старался быть кем-то, кем не был в НХЛ. После одной игры один игрок из другой команды подошёл и спросил, может ли он пожать мне руку: «Я всегда мечтал пожать Вам руки после игры наших команд, но даже не представлял себе, что это случится в этой лиге».

В том же году я играл за ветеранов Детройт Ред Уингс. В последней моей ветеранской игре мы выиграли 7:3 в Амерстбурге, Онтарио. Я был вратарём. Весьма необычно видеть меня между штангами ворот, но моё возвращение правым крайним в Детройт я считал довольно нереальным.

Я уже рассказывал о том, как Проби помог спасти мою карьеру, устроив мясорубку во время одной из игр Чикаго на Джо Луис Арена. Игра проходила 12 декабря 1996 года, Детройт выиграл 6:2. На следующий день я отправился в Сан-Антонио из Интернациональной Хоккейной Лиги. Понятное дело, это не НХЛ, но я решил, что стоит отметить где-то в профессионалах, чтоб просто моё имя не забывали. Пять игр там, один гол и 24 минуты штрафа.

23 декабря я вернулся домой к Рождеству. Зазвонил телефон и жена подозвала меня: «Это тебя». Я взял трубку: «Привет, Джо, это Скотт Боумэн. Я хочу видеть тебя в Детройте. В Сан-Антонио можешь не возвращаться и попроси кого-нибудь прислать тебе твои вещи». Моя первая игра после возвращения была с Далласом, дома. Я был на взводе больше, чем когда бы то ни было. Нервы. Я был готов сокрушить горы.

Стартовую пятёрку всегда оглашали в раздевалке, но в тот вечер этого не было. Я оставался на скамье запасных сразу после национального гимна. Скотти подошёл ко мне, коснулся плеча и сказал: «Да, кстати, совсем забыл сказать. Ты в стартовой пятёрке с Шенни (Брендан Шенахан) и Стиви (Айзерман)».

Сразу после начального вбрасывания шайба ушла куда-то к борту, а я от души врезал локтем форварду Далласа Тодду Харви, чуть не убив его. Я отделался двумя минутами, а болельщики просто сходили с ума. Как можно сказать, что ты больше никогда не вернёшься домой. Только не я. Я вернулся и наслаждался каждой минутой здесь.

Помню, вышел я на одну из первых моих тренировок после возвращения, где-то перед Новым Годом. На улицах около Джо Луис Арена стояло несколько большегрузов, с которых рабочие сгружали ящики. Я решил, что это будет какой-то концерт. Мне сказали, что детройтские легенды рок-н-ролла Тед Нюджент и Элис Купер будут выступать здесь в Новый Год. Я лишь пожал плечами: «Меня тут не будет. Два года назад, когда тут выступали Брукс и Данн (кантри-исполнители), вот тогда сюда стоило заглянуть».

Хм, два года назад, кто бы мог предположить, что я вернусь сюда и оденут свитер Ред Уингс? Я, вот кто! Как минимум в моих мечтах. Каждый день, что проводил там, каждый раз, когда я готовился к матчу, всё больше и больше казалось, что я никогда и не уезжал отсюда. Быть здесь – вот это казалось правильным. Я принадлежал этому месту.

И я точно знал одно – мои знаменитые кулаки были готовы и уже соскучились по действию. У них было восемь месяцев отдыха и теперь они были полностью готовы к работе. Предыдущие четыре года или около того были хорошими для этих рук. В лиге было не слишком много драк.

Но я вскоре обнаружил, что драки были не той причиной, по которой Уингс подписывали меня. Когда я ставил подпись под контрактом, Скотти сказал, что меня взяли для игр с Чикаго и Сент-Луисом, командами, исповедующими силовой хоккеей, но не драться, а больше для *предупреждения* драк. Он не любил драки. Меня брали не в качестве оружия, от меня требовалось играть. Он хотел, чтобы я заполнил роль игрока в хоккее. Это был первый раз, когда тренер требовал это от меня. До этого меня никогда не вызывали только для игры.

Я думаю, это был его способ сказать: «Я хочу, чтобы ты улучшил свою игру. Хочу доверять тебе в любой игровой ситуации и при любом течении игры. Я не хочу выпускать тебя минуты на три, лишь для того, чтобы ты подрался».

Я всегда уважал Скотти и его достижения в игре, но то, что он вызвал меня в свой офис и показал свою веру в меня, стало для меня чем-то особенным. Он сказал: «Слушай, может, ты и не будешь играть в каждой игре, но когда ты в составе, я хочу, чтобы ты играл и хочу, чтобы ты работал над тем, что тебе нужно улучшить». Он направил меня поработать с помощниками Барри Смитом и Дэйвом Льюисом и дал шанс играть. Понятное дело, чем больше ты играешь, тем более уверенным ты становишься. Подобное отношение взрастило уверенность внутри меня.

Должен сказать, что подобная перемена слегка шокировала меня. Драки – это то, что дало шанс заиграть в НХЛ и продержало меня в лиге 10 лет. Я пробился через несколько трудных годов в лиге, когда я был просто счастлив быть в игре и, полагаю, что всё это поставило меня в такую ситуацию, когда люди считали, что драки – это всё, что я умею делать. А теперь у меня появился шанс проявить себя, доказать, что я могу играть. «У каждого игрока есть своя роль», – говорил мне Боумэн. – «Некоторые роли вмещают в себя больше обязанностей, чем другие, но важно амплуа каждого игрока».

Скотти показал, что он ещё больше уверен во мне, когда поставил меня в чекинг-лайн на правый край, к центру Крису Дрейперу и левому нападающему Кирку Молтби. В результате наше трио получило прозвище Grind Line (Молотильщики). Играть с Дрейпером и Молтби было одно удовольствие.

Сначала я был немного ошарашен: «Он настолько уверен во мне, что ставит в эту тройку?» Но задумка была в том, что я играл с одними из самых быстрых игроков в Лиге, так что, если я лажал, они успевали вернуться мне на помощь. Но также, если они кого-то выводили из себя – и они выводили, минимум раз в неделю – наставало моё время прийти им на помощь.

Мы очень хорошо сработались вместе. С самого начала Скотти был прав, выпуская меня с кем-то типа них. Я должен был соответствовать им и это у меня получилось. «Когда мне сказали, что Джо Кошур будет играть в моей тройке, я понятия не имел, чего ожидать, – рассказывал Дрейпер в Уинзор Стар. – Я знал, что он умел драться, а теперь понял, что он умеет и играть».

Дрейпер и Молтби наряду со Стиви были одними из самых напористых, уверенных в себе и верных команде, игроков команды-победительницы. Им было всё равно, что делать, они делали всё что требовалось. Их упорное стремление к победе никогда не ослабевало. Они злили столько людей – был ли это Дэйл Хантер в финале 1998 или кто-то другой – они всегда знали, что я рядом, присматриваю за ними. Были ситуации, в которых им приходилось делать всё на свое усмотрение и я говорил им, что они могут делать всё, что угодно: «Я всегда буду рядом с вами. Может, на шаг позади, но всё равно неподалёку».

Мне нравилось играть с ними. Они отдавали всё ради победы. Они убивали штрафное время, вступались за одноклубников, делали абсолютно всё. Их ненавидела вся лига, но чем больше их ненавидели, тем больше любили мы.

К концу того сезона 1996-97 можно заметить, что доверие Скотти к нам выросло. Не так давно я пересматривал четвёртую игру финала кубка Стэнли против Филадельфии. Мы были на стартовом вбрасывании третьего периода. За две минуты до конца и счёта 2:1 в нашу пользу, он выставил нас убивать время. Это очень льстило нам.

Думаю, Скотти нам так доверял потому, что мы всегда больше думали о защите. Шанс, что нас подловят в атаке, был ничтожно мал. С левым замком – защитной системой, которую мы использовали в Детройте – Молтби не заходил далеко в зону соперника.

Дрейпер был настолько быстр, что мог вернуться в защиту в любой момент. Если я видел, что катит Молтби, я смещался на его фланг, зная, что он займет моё место. Если у Молтби был шанс пройти в зону соперника, я оттягивался назад, чтобы не тормозить Дрейпера. Мы пропускали его вперёд. Дрейпер всегда шёл первым, я за ним, а Молтби держался чуть сзади. У нас всегда было три человека сзади и Скотти доверял нам, потому что пока трое держались сзади, проблем не возникало.

«Молотильщики» стали даже как-то и угрозой воротам соперников, особенно в финале 1997, против Флайерс. В первой игре финала Молтби открыл счёт, потом я забил, выведя Детройт вперёд 2:1, пробив вратаря Флайерс Рона Хекстолла на 15:56 первого периода. Игра закончилась со счётом 4:2 в нашу пользу. Во второй игре Молтби забил победную шайбу.

Как обладатели кубка Стэнли, нас пригласили в Белый Дом на встречу с президентом, Биллом Клинтонем. Только Ларри Мёрфи и я бывали тут уже и раньше, для остальных же вечеринка была первой. Я рассказывал одноклубникам байки про то, что в первый раз Клинтон поприветствовал меня лично: «Эй, Джо, как сам, как жизнь?»

Следующей весной мы защищали свой титул. В первой игре финала против Вашингтон Кэпиталс ваш покорный слуга открыл счёт. Во второй игре Дрейпер забил победный гол в овертайме – 5:4, а мы отыгрались с 2:4 в третьем периоде.

Плэйофф 1998 года вышли у меня весьма продуктивными. Я забил пять шайб в регулярке и четыре в плейофф. В первый день плейофф той весной, мы забросили в два раза больше чем Финикс Койотс - 6:3, из которых 2 точных броска в ворота Николая Хабибулина были на моём счёту. Той ночью я ложился спать в статусе лучшего бомбардира Детройта в плейофф.

«Я наслаждаюсь моментом», - рассказывал я журналистам. До того вечера у меня на счёту было пять шайб в плейофф и две моих шайбы повторяли мой рекорд по забитым шайбам в плейофф, который я установил в 1986-87. Я подзуживал журналистов, убеждая в том, что забивать шайбы я умею. «И до этого у меня случался дубль, - говорил я. – Я уже достаточно долго в лиге».

Мои одноклубники также помогали мне разъяснить журналистам моё новое амплуа. «Джо не давали достаточно времени, - сказал Даррен Маккарти в интервью Уинзор Стар. – Он хорошо пасует, особенно при выходе из нашей зоны. Он каждый раз играет умно и безопасно, контролируя ситуацию. Многие забывают, что он дважды выигрывал кубок Стэнли. Мы зовём его «Батя». Его влияние в раздевалке трудно переоценить».

Во втором раунде я вновь продемонстрировал голевое чутьё. Я только вышел со скамьи штрафников в Сент-Луисе, как шайба отлетела ко мне. Я вышел практически один-на-один с их вратарём Грантом Фюром. В нужном месте в нужное время. Я щелкнул и забросил Фюру низом в дальний угол.

Вы храните в памяти все свои победы в кубке Стэнли, но есть один нюанс, делающий триумф Детройта в 1997 году особенным. Точно также, как и когда я играл за Рейнджерс, у Детройта был продолжительный период «засухи» без кубка. Уингс унаследовали от Рейнджерс звание команды, обходящейся без кубка наибольшее количество лет. Они не выигрывали с 1954-55.

Многое пришлось испытать команде на пути к их победам. Два сезона перед победным стали настоящим испытанием и возможностью подобрать правильную «химию». Детройтцев всухую вынесли Девилс в 1995 году, а в 1995-96 году Ред Уингс проиграли Колорадо в финале

Западной Конференции после установления нового рекорда лиги - 62 победы в регулярном чемпионате.

Это было похоже на то, что случилось с Рейнджерс в 1991-92. В этой ситуации самое сложное в подготовке к новому сезону, знать и держать это постоянно в голове то, что каждая игра – это всего лишь маленький шагочек к основной цели.

Когда мы вернулись из Филадельфии на Джо Луис Арену, ведя в финальной серии 2:0, все в Детройте уже объявили нас чемпионами. Это очень опасное заблуждение и трое игроков, выигрывавших Кубок раньше – я, вратарь Майк Вернон и защитник Ларри Мёрфи – взяли на себя обязанность донести до всех, что ничто ещё не решено. Нужны ещё две победы и праздновать пока рано.

Это особенно тяжело, когда ты приезжаешь играть домой – столько разных отвлекающих факторов. Все рассказывают о том, какой ты крутой. Друзья наперебой рассказывают о том, какая потрясная вечеринка будет, когда ты выиграешь Кубок. Все звонят, спрашивают лишний билетик.

Помните, я был частью команды Рейнджерс, которая вернулась домой, ведя в серии с Ванкувером 3:1. Мы всё-таки выиграли серию, но сначала проиграли две игры, а затем вырвали нелёгкую победу в седьмой игре 3:2.

К счастью, в 1997 году у руля Ред Уингс был легендарный тренер, знающий как управляться с командой и капитан, ведущий корабль и всех членов команды в нужном направлении.

Я был в Детройте, когда команду принял Жак Демер, немедленно назначивший Стиви капитаном, хотя тому было всего 21 год. Тогда многие сомневались в правильности такого поступка, но годы показали, что это было верное решение. Одну вещь я заметил сразу по возвращении в Детройт спустя пять лет: эспаньолка Стиви стала немного больше (шучу, шучу).

Как капитан, Стив был также ценен для нас, как и Марк Мессье в Нью-Йорке, только несколько в другом качестве. Стиви не выказывал свою удаль, он вёл за собой своим примером. Он всегда был молчаливым лидером, но я заметил это сейчас, говорить он стал немного больше. Если он видел, что что-то идёт неправильно или кто-то делает не то и не так, он первый говорил об этом. У него было чутьё на то, когда нужно сказать и когда вести за собой на своём собственном примере.

Положение Айзермана как молчаливого лидера было весьма эффективным. Он владел вниманием, потому что он был совершенно невозмутим. Он не часто говорил, но когда говорил, за его словами чувствовалась уверенность и значимость. Он ждал нужного времени. Он тщательно обдумывал, что и когда сказать.

И это было поразительно, когда Стиви завоевал признание хоккейного мира, после того, как он привёл нас к двум подряд победам в кубке Стэнли и получил Конн Смайт Трофи как самый ценный игрок плейофф в 1998 году. Все величайшие хоккеисты, Уэйн Гретцки, Марио Лемье, Мессье, все уважали его. Все теперь знали то, что нам было известно уже давно – он единственная в своём роде суперзвезда.

Также фантастикой было вернуть кубок второй год подряд в Хоккейтаун. Поскольку я был частью команд, завершивших продолжительную кубковую «засуху», меня всегда просят сравнить две этих победы. Для городов обе победы стали большим событием. Разница разве только в том, что от Уингс это ожидали больше, потому что они уже несколько раз были близки к победе.

В Нью-Йорке победа стала заметным событием. 1940 год давно уже закончился и болельщики были рады тому, что стали свидетелями победы. Но там семь профессиональных команд и они часто становятся победителями. Болельщики всегда могут переключить своё внимание на что-то другое. А в Детройте хоккей на первом месте, по крайней мере, мне так кажется. Ред Уингс – это уже традиция в Детройте. Имена Горди Хоу и Теда Линдсея навсегда остаются в головах болельщиков.

Лично для меня, первый Кубок, конечно же, важен. Но моё сердце навсегда остаётся с Детройтом. И я принимал немалое участие в победе Детройта, играя с Молтби и Дрейпером. В каждой игре мы были на льду, по 8-10 минут. Учитывая начало сезона, я такого не ожидал. Я получил шанс сконцентрироваться на игре и это было просто замечательно, особенно с командой, в которой я начал карьеру, играть за кубок Стэнли.

Как я уже говорил, моё сердце навсегда отдано Детройту. И, зацените, выигрыш Кубка в Детройте привело меня в Хоккейный Зал Славы. Или не совсем меня. В 1997 году у меня взяли свитер, в котором я играл в пивной лиге и свитер Детройта и поместили их в Хоккейный Зал Славы.

Мы задолжали городу победу, и выигрыш титул поверг Детройт в исступление. На нашем победном параде было свыше миллиона человек. Несмотря на то, что надежды города были неоднократно обмануты в кампаниях плейофф, город не отвернулся от своих Красных Крыльев. Магазины спорттоваров удвоили продажи товаров с символикой Ред Уингс по сравнению даже с продажами в предрождественскую лихорадку.

Мне казалось, что это была безостановочная вечеринка, длившаяся два или три месяца, всё лето напролёт. Затем случилась трагедия. Пятничной ночью 13 июля – пятница, 13 – спустя шесть после нашей победы, мы запланировали командную игру в гольф перед тем, как все разъехались бы по домам.

Всё было просто замечательно. Две или три праздничные вечеринки и мы забронировали лимузины для каждой из них. Я помню, что мы только закончили нашу партию в гольф и собирались к жёнам. Защитники Вячеслав Фетисов и Владимир Константинов вместе с массажистом команды Сергем Мнацакановым уехали на одном из лимузинов. Они уехали раньше по каким-то причинам, думаю, забрать своих жён.

Ужасная новость пришла спустя пару часов. Мы все наслаждались отдыхом, когда нам позвонили и рассказали об аварии. Первые мысли были, что это просто легкая авария и мы захватим их по пути, но случившееся было намного хуже. Владди и Сергей впали в кому после закрытых черепно-мозговых травм, от последствий которых они до сих пор и не излечились. Константинов, которому было 31, также серьёзно повредил нервы и мускулы в одной руке. У Мнацаканова были парализованы обе ноги и рука. Никто из них так и не смог вернуться в команду. Фетисов отделался травмой груди, ушибом лёгких и сломанными рёбрами.

Все немедленно бросились в больницу, когда осознали всю серьёзность происшедшего – наши одноклубники очень сильно травмированы. Мы все собрались в холле госпиталя Бюмонт в Роял Оуке, Мичиган; мы даже не знали, кто пострадал.

Никто не знал что сказать. Потом кто-то из персонала рассказал, что это была машина Владди и все, ехавшие в лимузине, получили серьёзные травмы. Это было словно услышать плохие новости о родственниках, ведь мы проводили столько времени вместе в отелях, тренировках, играх. Люди не осознают, что два месяца плейофф ты толком и не видишься со своей семьёй. Одноклубники – вот твоя семья.

Всё было плохо. Сергей и Владди теперь передвигались только в инвалидных колясках. Слава тоже получил серьёзные травмы, но он, по крайней мере, смог вернуться в состав и помочь нам завоевать титул в 1998 году. Мы все не верили до конца, что всё так серьёзно, потому что это был Владди. Даже месяцы спустя мы все ожидали, что он вернётся и заиграет. Он был бесстрашным воином на льду. Никогда не задумываешься о том, что нечто такое может вывести его из строя.

Я противостоял ему, когда играл за Рейнджерс и играть против него было невероятно сложно. Ты никогда не обходился без «умывания» крагой, когда подбирался к воротам, да и близко подойти к воротам тоже удавалось крайне редко. Всегда хотелось вызвать его на бой, но он не собирался драться с тобой. Ты знал это. Ты всегда знал, что сейчас получишь вонючей перчаткой в лицо, когда будешь пробиваться на «пятак».

Может, это была случайность, может, просто второй шанс устроить праздник с кубком Стэнли, но теперь я точно знал, что буду делать с кубком. Выиграв его повторно, ты всегда знаешь, где ты лоханулся в первый раз. Так что я потратил немного больше времени на простые наблюдения. На параде я подмечал много разных вещей. Второй раз стал более запоминающимся, потому что я один раз уже выигрывал и знал, куда теперь смотреть.

Во время моего дня с Кубком мы пригласили друзей и закатали вечеринку. С заходом солнца мы отправились порыбачить. Думаю, самая приятная часть владения Кубком – это возможность разделить радость вместе с друзьями в Мичигане, включая тех, с кем играл в пивной лиге. Это многое значило, преподнести его моим друзьям, жившим в Детройте всё это время, ждавшим победы, дать им шанс отхлебнуть из него, сфотографироваться с ним. Вся команда старше 30 лет, с которыми я начинал сезон 1996-97, пришла на мой день. Не обошлось и без командной фотографии с трофеем.

Но лучшая фотография вышла с моей дочерью. Когда ты выигрываешь Кубок, ты получаешь копию награды, сантиметров 40-45 высотой. На фото моя дочь пьёт сок из копии, а я глотаю шампанское из главного Кубка.

Все мои друзья были там; было много и тех, кто хотел стать моим другом в тот день. Кубок был у меня пару дней. Ты как бы привязан к нему – однажды заполучив первый, ты хочешь и второй.

После победы в 1998 году я решил отвезти Кубок домой в Келвингтон. И, скажу я вам, вечеринка удалась на славу, погудели на все сто. Шумела вся главная улица, а питейные заведения на ней не закрывались ещё три часа после их обычного времени закрытия.

Это был жаркий, влажный и липкий день с москитами, летавшими повсюду. Но люди стояли по три часа, чтобы взглянуть на кубок Стэнли, стоявший под красно-белым тентом. Одна пара пришла туда сразу после того как они стали мужем и женой.

Я не могу сказать, сколько же я раздал автографов в тот день, но моей правой руке задали столько работы, сколько не давали Марти Максорли и Дональд Брашир вместе взятые. Уже далеко за полночь, я всё ещё выписывал своё имя на всём, что мне протягивали. Это случилось 25 июля 1998 года, и город объявил этот день Днём Джо Кошура. По главной улице прошёл парад, в котором я проезжал на красном лимузине. После этого я произнес коротенькую речь.

Там присутствовало около 3000 человек, что почти втрое превышало всё население города. Все хоккейные знаменитости Келвингтона посетили этот праздник. Был и Барри Мелроуз, мой бывший одноклубник, и теперешний голос ESPN. Он провозгласил меня перед всеми лучшим бойцом в НХЛ. «Он пробился в НХЛ с помощью своих кулаков, но сейчас, в свои 30 лет, он игрок лучше, чем был в 20 лет».

Мой двоюродный брат Кори Кошур тоже приехал, как и Келли Чейз из Сент-Луиса, угощавший всех кубинскими сигарами. Даже член Зала Хоккейной Славы, знаменитый Гленн Холл, приехал из соседнего городка Гумбольдта, Саскатчеван. Сам «Мистер Вратарь», обладатель кубка Стэнли с Чикаго в 1960-61 пожаловал на вечеринку.

Донн Кларк, мой шафер на свадьбе, заехал к нам со двумя своими братьями, Керри и Уэнделом Кларком. Видели бы вы глаза Уэндела, когда он смотрел на Кубок. Он отчаянно желал, чтобы он был организатором этой вечеринки.

На старте нового сезона 1998-99 многие были уверены, что мы сможем выиграть и третий Кубок подряд. Но вскоре стало понятно, что, если мы и победим, то я не был бы частью этой победы. Лебединой песней моей карьеры стала игра на Джо Луис Арена 11 ноября против Сент-Луиса. Мы победили 6:2.

В той же самой игре Стив Айзерман обошёл своего кумира детства Брайана Троттэ и поднялся на 10 место в списке бомбардиров НХЛ всех времён. Это в некотором роде затмило мои достижения, когда я забил две шайбы двумя бросками подряд всего за 25 секунд. Затем все только и пасовали мне, чтобы я смог покорить хет-трик, но не вышло. Но это было весело.

Веселье долго не продлилось. В том сезоне я потянул пах, после чего противная тянущая боль постоянно гнездилась у меня внизу живота. Травму я получил, без шуток, как раз на Хеллоуин в игре с Даллас Старз. Я пропустил всего лишь одну игру, но снова заработал разрыв связок в паху 6 января в игре с Финиксом. На этот раз лечение затянулось на 15 дней и, как только я в первый раз вышел на лёд, 12 февраля против Чикаго, вернулась и боль.

Теперь я оставался вне игры, залечивая травму, уже 18 игр. Попытался встать в строй 4 апреля в Чикаго, но с тем же результатом. Единственным выходом оставалась операция. Я испробовал всё, но травма не уходила. Я даже ходил к женщине, практиковавшей иглоукалывание. Не знаю, что там за субстанцию она использовала, но она вколола мне раз 30 какую-то химическую бурду. Предполагалось, что это поможет зарубцевать все мышечные надрывы.

Лечение длилось весь год. Я был и у хирургов и у костоправов. Мне кололи лекарства и в живот и в задницу. Следующий сезон я был с командой, но травма так и не позволила мне сыграть ни одной игры. Я старался мыслить позитивно. Каждый день я думал о возвращении на лёд. Но, независимо от того, что со мной делали, боль не уходила. Она и сейчас меня беспокоит. Я выходил на лёд, катался, и спустя два-три дня боль возвращалась на круги своя.

После Рождества я начал понимать, что возможно я уже никогда и не смогу вернуться. Сначала я поговорил с помощником тренера Дэйвом Льюисом, а потом отправился к руководству команды: «Я не хочу получать свои деньги ни за что. Могу ли я стать скаутом или делать что-то полезное для команды?» В итоге, в плейофф меня отправили наблюдать за серией Сан-Хосе – Даллас. Только вот Детройт уступил в первом раунде Лос-Анжелесу и мои наблюдения не пригодились.

В конце года я встретился с ГМ Кенни Холландом. Он знал, что я не собираюсь больше нигде играть, так что я спросил его о работе в клубе. Он подобрал мне или даже завёл в клубе должность видеотренера за 15 тысяч в год. Деньги меня мало интересовали. Я хотел оставаться неподалёку от хоккея. Правда, я всё-таки был слегка разочарован. Быть игроком и стать видео координатором – это большое падение. Но мы сошлись на том, что это лучший способ продлить мою мечту. Я заработал достаточно денег, играя в хоккей, и я просто хотел и дальше быть вовлечённым в этот процесс.

Хотя вышло так, что позже работа мне понравилась. На самом деле. Я был человек посередине. Игроки по-прежнему доверяли мне, знали, что могут прийти ко мне и поговорить со мной, а потом я работал с видео.

Когда я ещё играл, я всегда обращался к помощникам тренера и никогда напрямую к Скотти Боумэну. Так что я сейчас старался решить дела таким же способом. Я выслушивал игроков, а затем уже решал, говорить ли об этом с кем-то ещё или оставить при себе.

После нашей победы в 2002 году Скотти Боумэн замолвил обо мне словечко на встрече владельцев команды на Джо Луис Арена. Он объявил о том, что завершает тренерскую карьеру, а потом заговорил обо мне. Я сидел, съёжившись от смущения. У меня, конечно, была своя роль в чемпионской команде, но не такая, как расписывал он.

Когда Дэйв Льюис стал главным тренером, меня определили к нему в помощники. Я наслаждался своей ролью. Это показывало, что я принял правильное решение, согласившись на работу видотренера. И я по-прежнему мог служить буфером между игроками и Дэйвом Льюисом. Он сам был в этой роли, когда был помощником тренера при Боумэне. Он сказал мне: «К тебе постоянно будут подходить с различными вопросами. У меня нет времени выслушивать всё, так что ты будешь решать, что передать мне. Если это просто повторяющаяся изо дня в день жалоба, ко мне с ней идти не надо. Если это будет что-то новенькое или требующее незамедлительной реакции, дай мне знать».

Я помогал всеми доступными способами, даже играя иногда в воротах во время тренировок или когда наших вратарей не было. Вероятно, это был совершенно иной стиль игры в воротах. Я всеми силами старался ускользнуть от шайбы.

Мне нравилось тренировать, но я вспоминаю тот день, который никто из Ред Уингс не забудет, потому что это мог быть наш последний день в этом мире. Мы участвовали в том, что авиационная индустрия называет «Крупное чрезвычайное происшествие».

Во время перелёта на командном самолёте из Сан-Хосе в Ванкувер 15 января у нас отказал двигатель. Спустя 45 минут полёта пилот объявил о том, что с двигателем проблемы, и они попытаются заглушить, а затем запустить его вновь. И внезапно мы начали резко снижаться. Пилоты должны были вырубить двигатель и в крутом спуске постараться запустить его снова и погасить пожар, если бы он вдруг начался в повреждённом механизме.

Мы были на высоте около 10000 метров, как самолёт вдруг начало сильно трясти. Тряска был столь сильной, что все на борту вспотели и тряслись сами от страха. Стиви Айзерман достал свой бумажник и смотрел на фотографию своих детей – настолько всё было ужасно.

Двигатель удалось запустить спустя 30, может, 45 секунд, но тянулись они намного дольше. Завершился наш полёт аварийной посадкой в Сакраменто. После приземления, на командном собрании мы проголосовали за то, что мы больше не полетим на этой колымаге. Сергей Федоров и Стиви собирались зафрахтовать другой самолёт или полететь регулярным рейсом, но никакие силы не заставили бы нас вернуться в тот самолёт.

У нас была долгая выездная серия, так что им пришлось пересадить нас в самолёт баскетболистов Финикс Санс, чтобы доставить в Ванкувер. После игры нам пришлось лететь в Финикс, чтобы вернуть самолёт. В конце концов, когда мы отыграли в Финиксе, нам подали наш старый самолёт, заявив, что всё в полном порядке. Уговаривать нас пришлось очень долго, воспоминания о случившемся были слишком свежими.

И, кстати, вот почему ставки на спорт не проходят. После того ужасного инцидента мы приземлились в Сакраменто в пять утра. На следующее утро мы улетели в Ванкувер, час добирались от аэропорта в отель, заселились, перекусили, слегка вдремнули и в игру. В первом периоде мы задавили Ванкувер 3:0, выиграв в итоге 4:2. Если бы я делал ставки и знал бы всё то, что случилось с Детройтом на пути в Ванкувер, я зарядил бы приличную сумму на Кэнакс. И остался бы на бобах.

Тренерская работа принесла мне ещё один кубок Стэнли и сделал моё имя ответом на отличный вопрос викторины: Чьё имя было выгравировано на кубке Стэнли больше всех других за последние 15 лет? Моё, вот чьё. Четыре раза в общей сложности. Три в качестве игрока – два с Уингс, один с Рейнджерс и однажды как тренер – за Уингс. Я весьма горд за свои такие достижения.

Я перестал тренировать в 2005 году, когда в Детройт пришёл Майк Бэбкок со своими помощниками. Сейчас я играю в хоккей с главами государств. С моим бывшим одноклубником Игорем Ларионовым мы играли вместе во время тура ветеранов хоккея по России в 2005 году. В одной из таких игр мы играли против команды из Беларуси. Игорь отвёл меня в сторонку перед игрой, указал на одного из оппонентов и сказал: «Я хочу, чтоб ты несколько раз приложил того парня, это бы нас замечательно завело». «Тот парень» оказался Президентом Беларуси Александром Лукашенко.

Это была наша первая игра в турне и вот как проходила наша подготовка. Мы встретились за завтраком в ресторане «Джинополис» в Плимуте, Мичиган. Потом на автобусе мы доехали до аэропорта Торонто, где мы три часа ждали посадку на самолёт Аэрофлота в Россию. Нам заказали чартер, потому что нас было очень много. Мы прилетали в Москву, забрали багаж и отправились с Игорем и его друзьями на частное мероприятие.

После этого мы 11 часов тряслись в поезде в Беларусь. Мы приехали в 5 утра и нам устроили небольшую встречу с официальными лицами. Снова в отель, пару часов поспать и на лёд.

В самолёте у нас было много всяких напитков, как впрочем и в поезде, так что на игру мы вышли не в самом лучшем состоянии. Мы все набились в маленькую раздевалку, и я решил, что мне нужно срочно на воздух. Но дверь оказалась закрытой. Я начал стучать и её открыл охранник, сказав: «Подождите. Идёт Президент Беларуси и этот коридор пока закрыт».

Я посмотрел на нашего распорядителя и сказал: «А они не думают, что скоро мы будем стоять в полуметре от него и держать клюшку, которую можно отлично использовать как оружие?» Тот оглянулся и зашептал: «Не вздумай повторить это кому-то ещё». Нас так и не выпустили пока он выходил на лёд, но потом мы катались рядом и считалось, что ничего случиться не может». Сами посудите.

Мы сыграли восемь игр против разных команд, в том числе и тех, кто играл за СССР в 1972 году в серии против Канады. Они все собрались вместе – одна игра в Минске – потом мы вылетели в Сибирь на самом худшем самолёте из всех на которых я летал. Сидеть в нём было невозможно. Мы даже подозревали, что он и взлететь-то не сможет, но, взлетев, мы приняли немного водки и нам стало всё равно.

Если честно, я скучаю по тренерской работе. Когда Уингс отпустили меня, я сожалел об этом, но сейчас я уже наслаждаюсь тем, что делаю теперь. Я устанавливаю свои правила. Я открыл своё дело и представляю уйму разных компаний. Моя игра в НХЛ здорово помогает теперь в налаживании контактов с руководством многих компаний. Люди всегда рады поговорить о хоккее, узнать, что я делаю сейчас, по завершении карьеры.

Два года назад, когда я только начал встречаться с этими людьми, я понятия не имел о чём они толкуют. Насосы, клапана, фитинги и я ничего не могу вам рассказать об этом. Я сразу предупреждал: «Я только открыл дело, я учусь, и, если у вас есть вопросы о продукции, я передам их тем, кто знает на них ответы».

Сейчас же, спустя два года, я встречался и слушал столько людей, что, пожалуй, смогу цитировать их наизусть. Может, я не знаю продукцию также хорошо как они, но рассказать основы и как всё работает, всегда пожалуйста. Со временем я надеюсь, я выучу всё, что я продаю.

Моя компания называется Kosur Enterprises и мой девиз: «Я буду драться за ваше дело». Как и в хоккее, у меня появилось несколько хороших друзей. Куда бы не привела дорожка моего бизнеса, я всегда буду дорожить нашей дружбой.

СТАТИСТИКА ДЖО КОШУРА

НИЗШИЕ ЛИГИ

Адирондак Ред Уингс АХЛ (1984-85)

Сан-Антонио Рэмпейдж ИХЛ (1996)

НХЛ

Детройт Ред Уингс (1984-91, 1996-2000)

Нью-Йорк Рейнджерс (1991-96)

Ванкувер Кэнакс (1996)

СТАТИСТИКА В НХЛ

Регулярный сезон

Игры – 820

Голы – 80

Передачи – 82

Очки – 162

Штрафные минуты – 2519

ПЛЕЙОФФ

Игры – 118

Голы – 10

Передачи – 12

Очки – 22

Штрафные минуты – 231

ДОСТИЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ ДЖО КОШУРА

НХЛ:

Выиграл кубок Стэнли с Нью-Йорк Рейнджерс (1993-94)

Был частью команды Рейнджерс, выигравшей кубок Стэнли впервые с 1940 года

Выиграл два кубка Стэнли в качестве игрока Детройт Ред Уингс (1996-97, 1997-98)

Был частью команды Ред Уингс, выигравшей кубок Стэнли впервые с 1955 года

Выиграл кубок Стэнли в качестве помощника тренера Детройт Ред Уингс (2001-02)

Стал первым в НХЛ по набранным штрафным минутам, играя за Детройт – 377 (1985-86)

Первый новичок, ставший первым в НХЛ по набранным штрафным минутам, играл за Детройт (1985-86)

Стал первым в НХЛ по количеству пятиминуток за драки – 36 (1985-86)

Становился первым в Детройте по количеству штрафного времени (1985-86, 1986-87, 1989-90)

На втором месте по количеству набранных штрафных минут за всю карьеру в Детройте – 1963 минуты

ВЕХИ КАРЬЕРЫ

8 июня 1983 – выбран под 91 номером Детройтом на драфте новичков

20 февраля 1985 – дебютировал в НХЛ против Сент-Луис Блюз

9 марта 1985 – первый гол в НХЛ, вратарь Гленн «Чико» Реш, Нью-Джерси, проигрыш 5:8

11 апреля 1985 – первый гол в плейофф НХЛ, вратарь Мюррей Баннерман, Чикаго, проигрыш 1:6

2 ноября 1985 – установил рекорд Детройта по количеству штрафных минут в одной игре – 42 минуты, ничья с Сент-Луисом 5:5

5 января 1986 – первая результативная передача в НХЛ, в игре с Торонто

6 апреля 1986 – завершил сезон с рекордом Детройта по количеству набранных минут штрафа за сезон – 377 минут, стал первым новичком, лидирующим в лиге по этому показателю; также стал первым в НХЛ по количеству драк – 36

13 мая 1987 – установил рекорд Детройта по количеству штрафных минут в плейофф

29 ноября 1990 – забил штрафной бросок Жаку Клутье из Чикаго, победа 5:1

5 марта 1991 – обменян в Нью-Йорк Рейнджерс с Пером Джусом на Кевина Миллера, Денниса Виала и Джима Камминса

10 марта 1991 – дисквалифицирован на 4 игры за опасную игру высоко поднятой клюшкой

14 марта 1991 – дисквалифицирован еще на 4 игры за попытку оспорить первоначальную дисквалификацию

10 мая 1991 – перенёс операцию по лечению костяшек среднего пальца правой руки

14 июня 1994 – завоевал свой первый кубок Стэнли с Нью-Йорк Рейнджерс, победившими Ванкувер в седьмой игре 3:2

20 марта 1996 – обменян в Ванкувер на Кея Уитмора

26 декабря 1996 – подписан в качестве свободного агента Детройтом

31 мая 1997 – забил свой первый гол в финале кубка Стэнли, Рону Хексталлу, вывел Детройт вперёд, в итоге победивший 4:2 в первой игре серии

3 июня 1997 – ассистировал победному голу Кирка Молтби во второй игре финальной серии против Филадельфии, победа 4:2

7 июня 1997 – завоевал свой второй кубок Стэнли с Детройтом, победившим Филадельфию в четвёртой игре финала 2:1

9 июня 1998 – забил первый гол в первой игре финальной серии против Вашингтона, победа Детройта 2:1

ДЖО КОШУР: THE BRUISE BROTHERS

16 июня 1998 – завоевал свой третий кубок Стэнли с Детройтом, победившим Вашингтон в четвёртой игре 4:1

4 июня 1999 – получил травму живота, вынудившую его завершить карьеру

10 октября 2000 – объявил о завершении карьеры игрока, стал видеокоординатором в Детройте

13 июня 2002 – выиграл свой четвёртый кубок Стэнли, первый в качестве тренера Детройта, победившего Каролину 3:1 в пятой игре финала

17 июля 2002 – стал помощником тренера Ред Уингс у Дэйва Льюиса

31 марта 2003 – дисквалифицирован НХЛ на два матча за бросок стула на лёд в игре 29 марта против Сент-Луис Блюз

ДРУГИЕ ГОЛОСА

ЧТО ЛЮДИ ИЗ ХОККЕЙНОГО МИРА ГОВОРЯТ О ДЖО КОШУРЕ

Это было так, словно я оказался на небесах. Боб Проберт и Джо Кошур оба играли в моей команде... Можно было делать что угодно, не опасаясь последствий. Он был лучшим бойцом в НХЛ. Он пробился в НХЛ с помощью своих кулаков, но сейчас, в свои 30 лет, он игрок лучше, чем был в 20 лет.⁴

- Бывший одноклубник по Детройту и нынешний аналитик ESPN Барри Мелроуз

Его присутствие всегда было хорошо заметно – командный игрок до мозга костей и душа компании в раздевалке

- Тренер Калгари Флеймс Майк Кинэн

Когда они смотрели на нашу скамью и видели улыбающегося Кошура, игра начинала склоняться в нашу пользу.

- Одноклубник по Детройту Дэррен Маккарти

У Джо Кошура было что-то такое в его ударе, который был очень, очень сильным. Он завершал карьеры других игроков.

- Член Зала Хоккейной Славы тренер Скотти Боумэн

Кошур врезал мне в шлем словно молотом и шлем раскололся! Я помню на следующий день у меня жутко болела голова. Левая сторона ужасно ныла, несмотря на то, что он бил меня в правую сторону. Я не мог даже жевать. Интересно, чтобы случилось, если бы у меня не было шлема? Даже страшно подумать

- Тафгай Вашингтон Кэпиталс Дональд Брашир

Мы с Джоуи - бойцовский тандем в Рейнджерс. Вне всякого сомнения, он первый номер

- Одноклубник Тай Доми в 1992 году

Он сделал наш город видимым на карте

- Мэр Келвингтона Гарнет Рейд

Большинство команд просматривают Европу в поисках игроков. Мы же просматривали пивные лиги.

- Капитан Детройт Ред Уингс Стив Айзерман, 1997 год, после подписания Детройтом Джо Кошура.

Я был большим фанатом Джоуи Кошура и Боба Проберта. У меня была кассета с их драками и я изрядно заездил её.

- Одноклубник по Детройту Даррен Маккарти

Когда в Детройте были Проберт, Кошур и Маккарти – это была команда моей мечты.

- Дон Черри, ведущий телевидения

Вовсе не обязательно было звонить Гэри Бэттману, чтобы узнать, какое наказание последует за нападение на игрока сзади в Детройте. Это наказание называлось Проберт и Кошур.

- Бывший тафгай НХЛ Келли Чейз

Он вернулся к нам и научил нас, как выигрывают кубок Стэнли.

- Одноклубник по Детройту Даррен Маккарти

У нас с ним было много стычек.

- Бывший капитан Торонто Мейпл Лифс Уэндел Кларк

Команды, которые хотят стать сильными, должны иметь кого-то как Джо Кошур. Он отлично справляется со своими задачами. Он отличный боец и, как бонус, может забить гол.

- Член Зала Хоккейной Славы Ларри Мёрфи

Я знал, что удар у него будь здоров и, когда я увидел приближающийся кулак, я пригнул голову. Он попал мне в макушку и разбил шлем. Потом всё, что я помню, это то, что рухнул на лёд. Это был первый раз, когда я угодил в нокаут. Джоуи врезал мне мощнейший ударом и всё – свет погас. Такое случается.

- Бывший тафгай Виннипега Джим Кайт, вспоминая свой нокаут от Кошура в их драке в 1988 году

У меня были просто замечательные крайние нападающие в карьере. Начиная от Криса Саймона и до Джо Кошура и Даррена Маккарти.

- Одноклубник по Детройту Крис Дрейпер

Проберт и Кошур – два лучших бойца в лиге.

- Старший вице-президент Детройта Джимми Девеллано

Я видел, как эта парочка (Проберт и Кошур) серьезно травмировала парней в драках.

- Одноклубник по Детройту Джимми Огородник

Мы отлично сыгрались. Сначала нас поставили в одно звено просто посмотреть, но вышло, что мы играли вместе 20 или 25 игр. Мы дополняли друг друга.

- Одноклубник по Детройту и партнёр по Grind Line Кирк Молтби

У нас был туз, когда дело доходило до кулачных разборок.

- Колин Кэмпбелл, тренер Кошура в Детройте и Нью-Йорк Рейнджерс

Я всегда старался иметь в команде игрока, который очень ответственно подходил к делу и при этом не боялся скинуть краги. Дэйв Браун, Стю Гримсон, Джо Кошур – такие парни всегда у меня играли в первую очередь.

- Тренер Калгари Флеймс Майк Кинэн

Детройт обожал таких парней как он

- Член Зала Хоккейной Славы Серж Савар

У него был самый сильный удар в лиге. Он просто убивал соперников.

- Лайнсмен НХЛ Джерард Готье

Когда эти братья по крови делали свою работу, все вокруг стояли и просто смотрели. Попасться под горячую руку никто не желал.

- Бывший тренер Детройта Жак Демер

Я всегда мечтал о том, чтобы все эти годы в Вашингтоне был тафгай, умеющий ещё и играть. У нас была парочка, но Проберт и Кошур, парни, подобные им, это неотъемлемая часть вашей команды.

- Бывший тренер Детройта Брайан Мюррей

Наши матери всыпали бы нам за это.

- Бывший капитан Торонто Мейпл Лифс Уэндел Кларк, отвечая на вопрос, почему он никогда не дрался с Кошуром, его земляком из Келвингтона

Я сказал Джо в нашей первой смене: «Я хочу, чтоб ты несколько раз приложил того парня, это бы нас замечательно завело».

- Бывший одноклубник по Детройту Игорь Ларионов, подстрекая Кошура провести силовой приём против белорусского президента Александра Лукашенко во время товарищеской игры в 2005 году

Он старался пробить ударом сквозь голову, шлем и тому подобное. Его руки выглядят просто ужасно. Лучший удар в хоккее.

- Из передачи Hockey Night in Canada

Такие ужасные суставы пальцев у Кошура явно не от того, что он бил по подушкам.

- Стив Карлсон, один из братьев Хэнсонов из фильма «Щелчок»

Я безмерно уважаю всё то, что сделал Джоуи

- Бывший игрок НХЛ Брайан Саттер

Мы полагались на них в деле выключения троек соперника из игры. Это была заводная тройка, у них была способность завести наших игроков.

- Бывший тренер Детройта Дэйв Льюис о Grind Line (Кошур, Крис Дрейпер и Кирк Молтби)

Однажды после рождественского ужина, наши ребята созвонились – Джоуи и дети Кларка, ещё одного Кларка и ещё Кошура – и собрались погонять шайбу. Но каток был закрыт. Лес Кларк сказал: «Что за херня. Каток здесь в Келвингтоне не закрывается ни на какие праздники».

- Джо Кошур старший

Если ты ввязывался в драку с Кошуром, падал ты довольно быстро.

- Бывший тренер НХЛ Роджер Нельсон

Когда он пришёл к нас в команду в середине сезона 1996-97, сразу почувствовалось отличие «до и после». Его присутствие ощущалось повсюду. Никто не хотел спорить с ним. Другие команды перестали охотиться за нашими звёздами по прибытии Джоуи. Он был большой частью нашего двойного успеха в розыгрыше кубка Стэнли.

- Защитник Бостон Брюинс и бывший одноклубник по Детройту Аарон Уорд.